

ЛУННЫЕ ХРОНИКИ

Звезды над нами

МАРИССА МЕЙЕР

Бестселлер *The New York Times*

Лунные хроники

Марисса Мейер

**Лунные хроники. Звезды
над нами (сборник)**

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Сое)-44

Мейер М.

Лунные хроники. Звезды над нами (сборник) / М. Мейер —
«Издательство АСТ», 2016 — (Лунные хроники)

ISBN 978-5-17-101289-2

Девять новых встреч с любимыми героями серии «Лунные хроники, девять потрясающих новелл – об окутанном тайной детстве Золы; о том, как Волк стал наемным убийцей; о том, как принцесса Винтер и гвардеец Ясин поняли, что предназначены друг для друга; неизвестные подвиги капитана Торна; новые подробности о дерзком андроиде Ико... И многое, многое другое!

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Сое)-44

ISBN 978-5-17-101289-2

© Мейер М., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Хранитель	6
Программный сбой	25
Армия королевы	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марисса Мейер
Лунные хроники. Звезды
над нами (сборник)

Посвящается Слоан и Делейни

Marissa Meyer

STARS ABOVE

Впервые опубликовано Fiewel and Friends, подразделением Macmillan Children's Publishing Group

Печатается с разрешения литературных агентств Jill Grinberg Literary Management, LLC и The Van Lear Agency LLC

Copyright © 2016 by Rampion Books, Inc.

© Н. Болдырева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Хранитель

Мишель листала на портскрине альбом фотографий, которые внучка прислала утром. Люк отправился посмотреть на руины Лувра, взял Скарлет с собой, и она нашцелкала десятки фотографий крошащихся статуй и обломков. Там было даже их общее фото – Люк и Скарлет стоят на фоне безрукой статуи, закутавшись в одно огромное шерстяное пальто.

Мишель все время возвращалась к этой фотографии – единственной в альбоме, где Люк и Скарлет были вместе. Люк, как всегда элегантный, выглядел так, будто витает мыслями где-то далеко, а Скарлет улыбалась. Ее глаза сверкали, одного зуба впереди не хватало, выющиеся рыжие волосы выбились из-под воротника куртки. Она выглядела счастливой.

На этот раз Люк *старался*, и это согрело душу Мишель. Так же как и долгожданные перемены в письмах от внучки. Жизнь Скарлет стала непростой с тех пор, как уехала ее мать... Нет, Мишель знала, что жизнь ее внучки стала непростой гораздо раньше. С самого начала она знала, что ее сын не очень-то годится на роль отца. Он слишком самодоволен и эгоистичен, и его молодая жена ничуть не лучше. Их отношения были страстными, драматичными. И с самого начала обреченными на провал.

Они ссорились едва ли не с первого дня, когда начали встречаться – ругались, кричали и били посуду, а соседи то и дело вызывали полицию. Когда стало известно о том, что у них будет ребенок, Мишель притворилась, что рада за них. Катастрофический финал их брака был неизбежен, и она знала, что бедный ребенок станет его жертвой.

Она узнавала новости, читая в письмах Скарлет между строк, ведь Люк никогда и ничего ей не рассказывал. «Скучно. Жду, когда папа вернется домой» означало, что Люк опять зависает в барах, а его шестилетняя дочь сидит дома одна. Или «Спасибо за подарок на день рождения. Папа обещал, что, когда погода наладится, мы отпразднуем его в парке развлечений» означало, что Люк снова забыл о дне рождения дочери и надеется, что до конца весны она забудет о его обещании. Или «Соседка снова принесла на ужин рататуй – третий раз за неделю. В нем опять слишком много баклажанов, а я НЕНАВИЖУ баклажаны, но папа сказал, что я вела себя плохо, и велел сидеть в своей комнате» следовало читать как «Люк проигрался, и на этой неделе денег на еду нет, но, слава богу, соседке не все равно. Во всяком случае, пока она очарована улыбкой Люка и еще не сообразила, что он – бесхребетный мошенник».

Мишель вздохнула. Она любила сына, но давно потеряла к нему уважение. А еще она знала, что и сама тоже виновата. Ведь это она его воспитала. Может быть, она слишком его баловала, а может быть, наоборот, недостаточно. Может быть, ему нужен был отец, чтобы наставлять его. Может быть...

Стук напугал ее. Она подняла взгляд от портскрина, на котором разглядывала лицо сына, с которым в этом году не перебросилась и дюжиной фраз. Наверное, это кто-то из соседских детей собирает деньги на благотворительность или кто-нибудь из города решил купить у нее яиц.

Положив портскрин на стол рядом со своим любимым креслом для чтения, она встала, вышла из спальни и спустилась вниз по узкой скрипучей лестнице в маленькую прихожую фермерского дома. Она не посмотрела в глазок и сразу открыла дверь.

Ее сердце замерло. Кажется, весь мир замер. Мишель отступила назад, оперлась о дверь. – Логан...

Ей показалось, что в нее врезался астероид, выбив воздух из легких.

Логан смотрел на нее. Логан. Ее Логан. Он смотрел на нее, и его взгляд был таким же глубоким, бездонным, как она помнила. Хотя вокруг его глаз теперь появились морщины, которых раньше не было.

Больше тридцати лет прошло.

– Привет, Мишель. – Его голос звучал устало, но это был тот самый голос, которым она так восхищалась тогда. – Ужасно неловко, что я врываюсь к тебе вот так, – сказал он, – но мне отчаянно нужна твоя помощь.

Когда Мишель пригласили сопровождать земных дипломатов во время первого за много поколений визита на Луну, она была горда и немного напугана. Она была одним из четырех пилотов, лет на десять моложе остальных. Ей была оказана честь, хотя большинство из тех, кому она рассказывала о командировке, смотрели на нее как на сумасшедшую только потому, что она не отказалась сразу от этого предложения.

– Луна? – недоверчиво спрашивали ее. – Ты собираешься на Луну? Добровольно? Но... они же убьют тебя. Промоют мозги и превратят в раба. Ты никогда не вернешься домой!

Она смеялась и не обращала внимания на их слова, уверенная, что ужасные истории о жителях Луны основаны на глупых суевериях, а не на фактах. Она верила, что есть хорошие и плохие лунатики, точно так же, как есть хорошие и плохие земляне. Конечно же, они не могут все быть монстрами. И потом, она всего лишь пилот. Она не будет участвовать ни в каких политических дискуссиях или важных совещаниях. Мишель даже не знала, с какой миссией летят на Луну дипломаты. Целый месяц она проведет, наслаждаясь знаменитой роскошью Артемизии, и вернется домой с кучей историй. Она не позволит нелепым городским легендам удерживать ее в стороне от такого исторического события.

Ей дали увольнительную почти сразу после того, как они добрались до Артемизии, и вскоре она обнаружила, что в белом городе есть все, чего она ожидала, и даже больше. Пышные сады и дворы заполняли пространство между домами из белого камня. Деревья возвышались над раскинувшимися особняками, некоторые почти достигали кронами купола, укрывавшего город. Из каждого переулка лилась музыка, а в каждый бокал – вино, и все, кого она встречала, были беззаботны и веселы. Они каким-то образом узнавали в ней жительницу Земли, даже если она ничего не говорила, и казалось, что каждый состоятельный торговец и аристократ в городе считал своим долгом обеспечить ей лучший досуг, какой только можно представить.

На четвертый день после прибытия она танцевала на центральной площади на солнечных часах с поразительно красивым мужчиной. Но, оказавшись слишком близко к краю, она упала и подвернула лодыжку. Она вскрикнула от боли. Ее партнер по танцу раздобыл штуквинку, парящую на магнитной подушке и похожую на каталку, и отвез ее в ближайшую клинику.

Там она и познакомилась с Логаном.

Он был врачом, старше нее на несколько лет, и Мишель сразу поняла, что он отличается от тех лунатиков, которых она видела. Он был более серьезен. В его глазах было больше мысли. А еще его внешность была... несовершенной. Он осматривал ее лодыжку, а она разглядывала его самого. Сложение среднее. Светло-каштановые растрепанные волосы. На щеке родинка, а рот кривится на одну сторону, даже когда он улыбается. По земным стандартам, он был привлекательным, но на Луне...

И только тут до нее дошло, что он не использует чары, а все остальные, кого она здесь видела, использовали!

Логан предложил ей отдохнуть в восстановительной камере, но она покачала головой.

– Так вы скорее поправитесь, – сказал он, удивленный ее отказом.

– Не люблю замкнутых пространств, – ответила она.

– Тогда здесь, под биокуполом, вы должны чувствовать себя в ловушке.

Он осторожно бинтовал ей лодыжку. Все последующие годы, когда она думала о Логане, то вспоминала его нежные и ловкие руки.

– Тут так красиво, – сказала она, – я совсем не чувствую себя в ловушке.

– О, да. Мы построили очень симпатичную тюрьму.

Это был первый неприятный комментарий о Луне, который она услышала от лунатика.

– Вы считаете ваш дом тюрьмой?

Его глаза сверкнули, когда он встретился с ней взглядом. Потом он долго молчал. И наконец, вместо того чтобы ответить на ее вопрос, спросил приглушенным шепотом:

– Это правда, что небо на Земле голубое, как крылья сойки?

С этого дня Мишель уже не смотрела на аристократов в ярких одеждах (особенно когда Логан сказал, что человек, с которым она танцевала на солнечных часах, годится ей в прадеды). Они проводили вместе каждую свободную минуту, но оба знали, что это ненадолго. Часы отсчитывали время до ее возвращения на Землю, но она не тешила себя надеждой, что Логан улетит вместе с ней. Правила эмиграции с Луны были строгими. Лунная держава неохотно отпускала своих граждан, а на Земле их не очень-то ждали.

Времени у них было мало, и, может быть, именно благодаря этому их роман стал таким ярким. О чем они только не говорили: о политике и мире, о Земле и Луне, о созвездиях и истории, о мифологии и колыбельных. Он пересказывал ей ужасающие слухи о том, как на Луне относятся к беднякам, живущим во внешних секторах, разрушив этими рассказами блеск очарования, навеянный Артемизией. Она поделилась с ним мечтой уйти однажды из армии и завести свое маленькое дело. Он показал ей место в городе, откуда лучше всего виден Млечный Путь, и, когда они впервые занимались любовью, в небе над ними шел метеоритный дождь.

Когда ей настала пора улетать, они не стали обмениваться прощальными подарками. Не было ни слез, ни пламенных клятв. Он поцеловал ее в последний раз, она взошла на корабль, чтобы вернуться на Землю, и это был последний раз, когда она видела доктора Логана Таннера.

Когда спустя почти два месяца она узнала о своей беременности, ей ни разу не пришлось в голову попытаться сообщить ему о ребенке. Она была уверена, что это ничего не изменит.

– Нам сообщили о ее смерти еще несколько месяцев назад, – сказала Мишель, положив руку на стеклянную крышку восстановительной камеры, заваленной грудой старых попон в задней части арендованного хувера. Она не пыталась сдерживаться. Ее было не так-то легко вывести из равновесия, но еще никогда она не соприкасалась с чем-то настолько печальным и ужасным. Судя по размерам тела, ребенку было три или четыре года. Девочка была похожа на мертвеца: бесформенного и покрытого следами ожогов. Невозможно было поверить, что она все еще жива.

– Говорили всякое... Кое-кто надеялся, что, возможно, она выжила, и Левана пытается это скрыть. Но я не верила.

– Хорошо, – ответил Логан. – Нужно, чтобы люди верили, что она мертва, особенно королева. Это единственный способ обеспечить ее безопасность.

– Принцесса Селена, – прошептала Мишель.

Все это казалось нереальным. Логан – на Земле. Принцесса Селена – жива. И он привез ее сюда.

– Это следы пожара?

– Да. Пожар случился в детской. Левана утверждает, что это случайность, но... Я думаю, что это поджог. Я думаю, Левана хотела, чтобы она умерла, а трон достался бы ей.

– Ты уверен? – с ужасом спросила Мишель.

Его темные глаза всматривались в очертания тела принцессы, лежавшей в герметичной камере.

– Спички и свечи – на Луне редкость. Мы живем под куполами и серьезно относимся к любому загрязнению воздуха. Не представляю, зачем няне понадобились спички и где она их взяла. И почему зажгла свечу в детском игрушечном домике, да еще и днем. – Он вздохнул и заглянул в глаза Мишель. – Кроме того, там была моя коллега, доктор Элиот. Она первой осматривала принцессу. Это она объявила, что принцесса мертва, и забрала ее из дворца. Ее сообразительность спасла принцессе жизнь. – Он отвел взгляд. – Две недели назад доктора

Элиот обвинили в государственной измене, хотя подробностей преступления никто не знает. Я уверен, ее пытали, чтобы выведать информацию, а потом убили. Тогда я понял, что нужно бежать. Что нам с Селеной нужно бежать.

– Кто еще в курсе?

– М-м... Точно не знаю. Есть еще один человек, Сэйдж Дарнел. Он биоинженер и относился ко мне с подозрением, до того как я бежал. Он задавал вопросы, почти докопался до истины, но... Не знаю, удалось ему что-нибудь выяснить или это были просто догадки. А может быть, я просто параноик.

– А если он узнал правду... Он наш союзник или?..

Логан покачал головой:

– Не знаю. В Артемизии мы настолько привыкли скрывать свои мысли, что никогда нельзя сказать, кто счастлив жить под властью режима, а кто ненавидит Левану так же, как я. – Он разочарованно вздохнул. – Сейчас я с этим ничего не могу поделать. Разумеется, мое исчезновение вызовет подозрения, но я просто не мог оставаться там. *Она* не могла оставаться там. – Словно соглашаясь, камера издала низкий, булькающий звук.

– Что, если они придут с расспросами о тебе? – Сердце Мишель забилось сильнее. Тяжесть ответственности ложилась на ее плечи.

Королева Левана была самой могущественной женщиной в галактике. И если выводы Логана верны, она не прекратит поиски принцессы. А, значит, любой, кто помогает принцессе, находится в опасности.

– Не думаю, что они меня тут выследят, – ответил Логан, но в его взгляде было сомнение. – Я шесть раз менял корабли и хуверы с тех пор, как прибыл на Землю, и гипнотизировал всех, кого видел. Никто не сможет узнать меня.

– А как насчет наших... – Она запнулась на слове «отношения». – Нашей связи? Раньше мы не были так осмотрительны.

– Это было очень давно, а романы на Луне возникают так часто, что я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь обратил тогда внимание на нас.

Романы... Он произнес это так обыденно, что Мишель вдруг почувствовала укол боли.

Лицо Логана смягчилось. Он выглядел усталым, изможденным, но в ее глазах оставался все так же красив. Может быть, даже еще красивее, чем в молодости.

– Ты единственная, кому я доверяю, Мишель. Я не знаю, куда еще ее отвезти.

Эти слова утешили ее. Боль отступила. Она глубоко вздохнула и снова посмотрела на ребенка.

– Дом у меня маленький, – сказала она. – Где я ее спрячу, если...

Она помедлила. Дом был построен во вторую эру. И пережил Четвертую мировую войну.

– Бомбоубежище, – сказала она. – Под гаражом есть маленькое бомбоубежище, там у меня генератор и все необходимое.

Логан сжал губы так, что они побелели. На лице его читалось сожаление и в то же время – надежда. И через некоторое время он кивнул.

– Ты понимаешь опасность, которой подвергаешь себя, скрывая ее здесь? Она – самая ценная персона на этой планете.

Мишель подумала о Скарлет. Ее внучка была всего на пару лет старше, чем принцесса. Скарлет... Внучка Логана. Она открыла было рот, но промолчала.

– Прости, – сказал Логан, неверно истолковав ее колебания. – Прости, что приходится просить тебя об этом.

– А что ты собираешься делать? – спросила она.

– Буду помогать тебе, пока состояние принцессы не стабилизируется, а ты не научишься ухаживать за ней. Потом я исчезну и буду скрываться, пока... пока она не вырастет, и ее можно будет вывести из стазиса.

Мишель хотела спросить его, где он собирается прятаться, и как, и когда вернется. Но ни о чем не спросила. Она понимала, что лучше ей этого не знать. Безопаснее.

– А что будет, когда она проснется?

Его взгляд стал отстраненным, как будто он вглядывался в будущее. Пытался представить, каким станет этот ребенок, когда вырастет.

– Тогда я расскажу ей правду, – сказал он. – И помогу вернуть трон.

Скарлет уже много раз ездила на поезде из Парижа в Тулузу, но она знала, что самостоятельное путешествие – это совсем другое. С того момента, как она села на поезд, она все время находилась в напряжении. У нее было не так уж много денег, так что билет она купила в самый дешевый вагон, сиденья тут были неудобные, особенно для такой долгой поездки. Мысль о том, что кто-нибудь может сесть рядом и спросить, куда она едет, и где ее родители, и не нужна ли ей помощь, приводила ее в ужас. Она подготовила речь на этот случай: она едет навестить бабушку, которая встретит ее на станции. Разумеется, родители знают, где она. Разумеется, ее ждут.

И, разумеется, ее никто не ждал.

Поезд подошел к следующей станции. Скарлет обхватила руками рюкзак, стоявший рядом, и постаралась смотреть на входящих пассажиров как можно неприветливей. Всеми силами она старалась излучать: «Оставьте меня в покое».

Это сработало. Никто не сел рядом, и, когда поезд снова встал на магнитную подушку, она вздохнула с облегчением.

Расстегнув верхний карман рюкзака, она вытащила портскрин и заткнула уши беспроводными наушниками.

Может быть, музыка поможет забыть о том, что происходит.

Она уехала из Парижа. И не собиралась возвращаться обратно. Она будет жить с бабушкой, и никто ее не остановит. Она задумалась: интересно, отец уже догадался, что она уехала? Наверное, нет. Наверное, он все еще пьян.

Скарлет закрыла глаза и, когда музыка взорвалась в ее ушах, попыталась расслабиться, но ничего не вышло. Она ощущала движение поезда, слышала разговоры пассажиров, объявления следующих остановок. Она ждала, когда на портскрине появится строгое сообщение от отца, спрашивающего, где она. Или встревоженное сообщение, в котором он умоляет ее вернуться домой. Или даже сообщение от полиции о пропаже ребенка.

Она прослушала целый альбом, но никаких сообщений не было.

Она смотрела, как появляются и исчезают вдаль города, скрываются за холмами поля и виноградники, солнце клонится к горизонту, но никаких сообщений не было.

Через некоторое время в вагон набился народ, и рядом с ней сел мужчина в костюме. Скарлет напряглась, но он не заговорил с ней и не стал задавать вопросов. Просто читал новости на своем портскрине, а потом задремал, но Скарлет слышала достаточно историй о карманных воришках и похитителях детей, и не расслаблялась.

Альбом заиграл с самого начала. На бегущей строке в передней части вагона появилось объявление о том, что следующая остановка – Тулуза, и комок нервов опять скрутился у нее в животе. Ей пришлось разбудить соседа, чтобы пройти мимо него, он вытаращился и что-то сказал насчет того, что снова чуть не пропустил свою остановку. И засмеялся. Скарлет проскользнула мимо, стараясь не встречаться с ним взглядом, стискивая лямки рюкзака.

– Эй, малышка.

Она с грохотом сбежала по лестнице на платформу.

– Малышка!

Она ускорила шаг, паника и адреналин кипели в ее крови. Она оглянулась, ища, кто бы мог ей помочь. Кто-нибудь в форме, или андроид, или...

– Малышка, стой! – Рука легла на плечо Скарлет, и она обернулась, готовая закричать. Это был мужчина в костюме.

– Ты оставила это в поезде, – сказал он, протягивая ей бутылку с водой.

Она схватила бутылку и, даже не сказав «спасибо», побежала через платформу и вверх по эскалатору. Ей было неловко, что она так отреагировала, но она все равно еще нервничала. Она тут одна, и никто этого не знает. Она знала, что не будет чувствовать себя в безопасности, пока не доберется до бабушкиного дома, и даже тогда ей придется уговаривать бабушку разрешить ей остаться.

Она нашла пустой хувер-такси, забралась внутрь и назвала адрес. Скрин попросил ее подтвердить стоимость поездки, и цена, появившаяся на экране, заставила ее вздрогнуть. Это были почти все деньги, что у нее еще оставались.

Вздыхнув, она поднесла запястье к сканеру и подтвердила оплату.

Мишель заботилась о принцессе почти два года, и ей уже казалось, что она делала это всегда. Еще одна строка в ежедневном списке дел. Покормить животных. Собрать яйца. Пододвинуть корову. Проверить показатели и отрегулировать уровни жидкости в восстановительной камере.

Принцесса росла. Ей было бы пять лет... Ей *сейчас* пять лет, напомнила себе Мишель. Даже спустя столько месяцев было трудно не думать о девочке как о мертвом теле, которое она скрывает в бункере под своим гаражом.

Девочка не была мертва, но и не жила. За нее все делали машины. Дышали. Перегоняли кровь. Посылали электрические сигналы в мозг. Логан сказал, что важно стимулировать мозг, чтобы она не проснулась с разумом трехлетнего ребенка. Вероятно, в ее мозг поступали знания и даже жизненный опыт, пока она лежала там неподвижно. Мишель не понимала, как это работает. Не могла представить, как может ребенок проспать всю жизнь в стеклянной камере, а потом вернуться в общество и стать королевой.

Но это будет делом Логана, когда бы он ни вернулся. А пока придется ждать еще долгие годы до тех пор, когда выяснится, кем же станет этот ребенок.

Мишель закончила записывать жизненные показатели Селены и выключила свет, идущий от генератора. Бомбоубежище, переоборудованное в домашний госпиталь и научную лабораторию, было теперь освещено только бледно-голубым светом из подвешенной на цепях камеры. Мишель прицепила портскрин на пояс и поднялась по лестнице в гараж. Там она взяла один из ящиков для хранения вещей, которые она постоянно перетаскивала из гаража в амбар и обратно – на случай, если кто-нибудь ее увидит. Бомбоубежище и тот, кто в нем находился, оставались секретом, опасным секретом, и она не могла позволить себе утратить бдительность.

Мишель думала об этом, когда шагнула на гравий подъездной дорожки и увидела зависший там хувер-такси. Она никого не ждала. У нее не бывало гостей.

Она расправила плечи и поставила ящик себе на бедро. Гравий скрипел под ногами. Проходя мимо хувера, она бросила на него взгляд, но внутри никого не было, и никто не ждал ее на крыльце.

Поставив ящик на землю, Мишель схватила единственное оружие, которое нашла снаружи – пару ржавых садовых ножниц, – и распахнула дверь в дом.

Она застыла.

На нижней ступеньке лестницы в прихожей сидела Скарлет, задвинув под ноги рюкзак. Она куталась в то же шерстяное пальто, которое Мишель помнила по фотографиям из Лувра, но теперь оно было совсем истрепано и стало ей мало чуть не на два размера.

– Скарлет! – воскликнула Мишель и положила ножницы на столик у входа. – Что ты тут делаешь?

Скарлет покраснела, и ее веснушки стали еще ярче. Она выглядела так, будто готова разрыдаться, но слез не было.

– Я приехала и хочу остаться с тобой.

– Это просто очередная попытка привлечь к себе внимание! – воскликнул Люк. Его щеки и нос были красными, а речь – неразборчивой. Он был где-то на улице, и на экране Мишель видела облачко его дыхания в ночном воздухе. – Просто посади ее на поезд обратно, и пусть сама выпутывается.

– Ей всего семь лет, – сказала Мишель, прекрасно зная, какие в ее доме тонкие стены. Скарлет наверняка слышит голос отца даже с первого этажа. – Удивительно, как ей вообще удалось добраться сюда без приключений. Она ведь была совсем одна!

– И что ты хочешь? Чтобы я примчался и забрал ее? У меня утром дела. Я только что получил новую работу, и...

– Это твоя дочь, – сказала Мишель. – А ты ее отец, и я хочу, чтобы ты заботился о ней.

Люк фыркнул.

– Маман, ты учишь меня, как быть хорошим родителем? Это смешно!

Его слова укололи Мишель в самое сердце. Она окаменела. Узел в животе затянулся так туго, что ей казалось, она не выдержит.

Больше всего на свете она жалела о том, что не была рядом с сыном, когда он был маленьким. Она была матерью-одиночкой и пыталась совместить воспитание сына и военную карьеру, обещавшую так много. Теперь она уже давно поняла, как непоправимо провалила попытку совместить два эти дела. Если бы только можно было начать все сначала...

Но это было невозможно. И хотя в том, что Люк вырос таким, была и ее вина, она не собиралась терпеть его пренебрежительное отношение к Скарлет.

Она отвела взгляд от портскрина.

– Разумеется, она может тут переночевать. Я не отправлю ее одну на поезде.

– Хорошо, – проворчал Люк. – Завтра я что-нибудь придумаю.

Мишель закрыла глаза и крепко зажмурилась. Представила себе люк, ведущий в бомбоубежище под гаражом. Полуживую девочку в светящемся голубом резервуаре. Подумала о незнакомой женщине – докторе Элиот, которую пытали, чтобы узнать, что стало с принцессой Селеной.

Мишель вздохнула.

– Может быть, ей лучше остаться здесь? – сказала она, открыла глаза и посмотрела на экран портскрина. Она уже приняла решение. – Может быть, я позабочусь о ней, пока... Пока ты не встанешь на ноги. – Но даже говоря это, она не верила, что это когда-нибудь случится.

Скарлет заслуживала большего, чем отсутствующая мать и безответственный отец. Больше, чем получил Люк.

– Завтра обсудим, – ответил ей сын. Он все еще сердился, но в его голосе слышалось облегчение. И Мишель знала, что он не станет возражать.

Она прервала связь, положила портскрин на кровать и снова спустилась вниз.

Скарлет сидела за обеденным столом, склонившись над миской с горохом – первым в этом сезоне. Рядом росла кучка пустых стручков, Скарлет лущила их один за другим. Когда Мишель вошла, Скарлет закинула горошину в рот, и та лопнула у нее на зубах.

Скарлет притворялась, что ей все равно – Мишель сразу узнала этот взгляд. То самое выражение лица, которое она и сама примеряла чаще, чем хотелось бы.

– Можешь остаться, – сказала Мишель.

Скарлет прекратила жевать.

– Навсегда?

Мишель села напротив.

– Может быть. Нам с твоим отцом еще многое нужно обсудить, но... пока ты можешь остаться со мной.

На лице Скарлет появилась улыбка – первая с тех пор, как она приехала, но Мишель подняла руку.

– Слушай внимательно, Скар. Это ферма, тут нужно много работать. Я старею и надеюсь, что ты будешь помогать мне.

Скарлет с готовностью кивнула.

– И это не только развлечения, вроде сбора яиц. Нужно выгрести навоз и красить заборы... Это не просто.

– Мне все равно. – Скарлет все так же светила. – Я хочу остаться здесь. Хочу быть с тобой.

– С днем рождения, Скарлет, – пела бабушка, неся лимонный торт. Огоньки одиннадцати свечей плясали над белой глазурью. – С днем рождения, моя дорогая.

Скарлет закрыла глаза, чтобы сосредоточиться. Она ждала этого момента весь день. В первую очередь она, конечно, ждала вкуснейший лимонный торт, который бабушка каждый год пекла на ее день рождения – с тех пор, как Скарлет стала жить с ней. Но и в загадывании желаний было нечто особенное. Скарлет не была суеверна, но ей нравилось появлявшееся при этом чувство, что в будущем возможно все, что угодно.

«Я хочу...»

Она думала целый день, но так ни на чем и не остановилась. Загадать хорошее желание непросто.

Чтобы тот хищник – кто бы это ни был, – который напал на курятник на прошлой неделе, больше не воровал кур?

Чтобы отец не забыл снова про ее день рождения, как это было в прошлом году и за год до этого?

Чтобы Педжет Дюбуа перестал смеяться над ее веснушками или чтобы в школе Жиль Ламбер наконец обратил на нее внимание?

Нет. Эти желания не были настоящими.

Она знала, что это рискованно, но...

«Хочу, чтобы бабушка научила меня летать».

Открыв глаза, она наклонилась вперед и задула все свечи разом. Бабушка захлопала в ладоши.

– Отлично! Такие мощные легкие достались тебе от меня, ты ведь это знаешь? – Она подмигнула и подтолкнула к ней через стол два свертка. – Открывай же, а я разрежу торт.

– Спасибо, бабушка. – Скарлет взяла самый большой сверток. Он оказался тяжелее, чем она ожидала. Она осторожно потянула за ленту и развернула старую наволочку. Открыла коробку. Заглянула туда и подняла бровь. Посмотрела на бабушку, которая слизывала глазурь с каждой потухшей свечки.

Это что, шутка? Конечно, ее бабушка довольно эксцентрична, но...

– Пистолет? – спросила Скарлет.

– Leo 1272 TCR 380, личное оружие, – ответила бабушка, разрезая торт. Она положила на тарелку кусок и протянула его Скарлет вместе с вилкой. Слои бисквита и белого крема были идеальными, ни один десерт, которые Скарлет доводилось пробовать, не мог сравниться с этим тортом. Но, к сожалению, бабушкино кулинарное мастерство не получило широкого признания. Чаще всего, упоминая о Мишель Бенуа, люди говорили, что она *немного того*. Отказывается от помощи на ферме. Бросается на непрошенных гостей с дробовиком. Работая на огороде, поет – утверждает, что овощи от этого становятся вкуснее.

Скарлет любила бабушку и все ее странности, но даже она, получив в подарок на свой одиннадцатый день рождения оружие – настоящее, смертельное оружие! – подумала, что это как-то чересчур. Конечно, она уже умела обращаться с ружьем, чтобы отгонять диких волков или стрелять по глиняным голубкам, когда становилось скучно. Но пистолет? Это ведь не для охоты. Это для... защиты.

– Не смотри так на меня! – Бабушка засмеялась и отрезала себе кусок торта. – Это отличная модель. Такая много лет была у меня. Вот закончим ужинать, и я покажу тебе, как его заряжать. Как только ты привыкнешь к нему, то больше ни за что с ним не расстанешься.

Скарлет отодвинула коробку с пистолетом. Она не спешила прикасаться к нему. И даже не была уверена, что в ее возрасте это законно.

– Но... зачем? Я хочу сказать, это как-то...

– Нетрадиционно? – Бабушка рассмеялась. – А что ты хотела получить? Куклу?

Скарлет скорчила рожу.

– Новые кроссовки пришлись бы очень кстати.

Бабушка отложила вилку. Она все еще улыбалась, когда потянулась к коробке, чтобы достать пистолет, но ее взгляд был серьезным, а движения – уверенными и четкими. Выглядело это так, будто она в своей жизни держала в руках тысячу пистолетов. А может, так оно и было.

– Не беспокойся, Скар, – сказала она, не глядя на внучку. – Я научу тебя им пользоваться, хотя надеюсь, что он тебе никогда не пригодится. – Она слегка передернула плечами и положила пистолет на стол между ними, повернув стволом в кухонное окно. – Я просто хочу, чтобы ты могла себя защитить. В конце концов, никогда не знаешь заранее, не захочет ли кто-то забрать тебя туда, куда ты вовсе не собиралась.

Ее слова звучали как-то... пророчески, и Скарлет вдруг почувствовала, что, когда смотрит на пистолет, ее руки покрываются мурашками.

– Спасибо... – неуверенно сказала она.

Бабушка съела еще кусочек торта и указала вилкой на вторую коробку.

– Открой и другой подарок.

На этот раз Скарлет не торопилась. Этот подарок был маленьким и уместился на ладони. Он был завернут в чистое полотенце. «Наверное, это отравленные дротики, – подумала она. – Или электрошокер. Или...»

Она приподняла крышку коробочки.

На сложенной в несколько раз бумажной салфетке лежал бабушкин значок пилота – звезда с желтым драгоценным камнем в центре и позолоченными крыльями по бокам. Скарлет положила его на ладонь и посмотрела на бабушку.

– Мне вручили его в тот день, когда я стала пилотом, – сказала Мишель, улыбаясь своим воспоминаниям. – Я хочу, чтобы он был у тебя.

Скарлет сжала значок в руке.

– Спасибо.

– На здоровье. Надеюсь, он будет защищать тебя в полетах так же, как защищал меня.

Сердце Скарлет забило сильнее. Она едва смела надеяться...

– В полетах?

На щеках бабушки появились ямочки.

– Завтра утром начну учить тебя водить шаттл.

– Перегной защитит сад зимой, – сказала Мишель, обкладывая клумбы соломой. Высохшие стебли еще торчали из земли – жалкое напоминание о ярких георгинах и лилиях, которые цвели тут летом. – Слой должен быть толстым, как зимнее одеяло.

– Знаю, – ответила Скарлет. Она сидела на деревянном заборе, уткнувшись лицом в ладони. – Я знаю, что такое мульчирование. Мы это каждый год делаем.

Мишель выпрямилась и бросила грабли внучке.

– Если ты такой специалист, можешь закончить работу.

Закатив глаза – эта дерзкая гримаса знакома каждой тринадцатилетней девочке, – Скарлет спрыгнула с забора и взяла грабли. Солома шуршала и хрустела под ее старыми кроссовками. Мишель отступила на шаг, чтобы лучше видеть. Оказалось, что Скарлет действительно знает, что делать. Тогда она вытащила вилы из уменьшающейся кучи соломы и отправилась перекапывать компостную кучу.

Низкий гул приближающегося хувера заставил сердце Мишель екнуть – реакция, ставшая привычной за последние восемь лет. Ее ферма находилась на пустынной проселочной дороге, дальше за ней жили всего два соседа, и даже для коротких визитов в город они чаще использовали шаттлы. Хуверы были тут редкостью, а ее тревога с каждой неделей и месяцем только усиливалась. Наверное, пора уже было расслабиться, ведь за все эти годы никто ни разу не спросил ее о Логане, о связях с жителями Луны или о том, не знает ли она чего о пропаже принцессы. Видимо, никто даже не подозревал о ее причастности к этому делу. Большинство считало, что принцесса мертва, как это и было объявлено много лет назад. А разговоры о том, что смерть Селены инсценирована – всего лишь нелепые слухи, особенно теперь, когда война с Луной казалась неизбежной.

Но все это не могло успокоить Мишель. Скорее наоборот. С каждым днем, не требовавшим расплаты за то, что она решила спрятать Селену у себя, крепла ее уверенность, что однажды ее секрет будет раскрыт.

– Это хувер? – спросила Скарлет, которая, опираясь на грабли и прищурившись, смотрела на черное пятнышко, маячившее над дальним холмом.

– Опять, наверное, какой-нибудь противный торговец, – ответила Мишель. Она кивнула в сторону дома. – Скарлет, иди внутрь.

Скарлет нахмурилась.

– Если это всего лишь торговец, то почему я должна уходить?

Мишель подбоченилась.

– Обязательно все время со мной спорить? Просто иди в дом.

Снова закатив глаза, Скарлет бросила грабли на клумбу, лишь наполовину укрытую соломой, и направилась к дому. Хувер приближался, и Мишель вдруг почувствовала, что сжимает вилы так, что костяшки побелели. На мгновение ей показалось, что хувер пролетит мимо, дальше к соседям, но он сбавил скорость и повернул к их подъездной дорожке. Мишель не разбиралась в хуверах, но знала, что это старая модель. Старая, но в хорошем состоянии. Хувер был уже совсем близко, и его окна сияли в лучах позднего осеннего солнца.

Мишель оглянулась только один раз, когда услышала, как хлопнула дверь дома. А потом пошла вперед, чтобы встретить гостя. Вилы она держала словно копье. Она не боялась, что ее примут за сумасшедшую. Не боялась напугать адвоката или какого-нибудь горожанина, который заблудился в сельской местности на незнакомых дорогах. Она не возражала против такой репутации, если та держала незнакомцев подальше от ее дома.

Но тот, кто вышел из хувера, не был незнакомцем.

Он почти не изменился за годы, которые прошли с тех пор, как он помогал ей превратить бомбоубежище в госпиталь. Те же морщинки, те же седеющие волосы.

И, лишь встретившись с ним взглядом, она увидела, что это не так. Он все-таки изменился. В его взгляде, в широко распахнутых усталых глазах появилось что-то новое... В них стало больше тревоги. И еле заметно подергивалась бровь.

Он открыл рот, но Мишель опередила его, крикнув:

– Не знаю, что вы там продаете, нам это неинтересно!

Логан замешкался. Ему понадобилось очень много времени, чтобы справиться с удивлением. И это тоже было чем-то новым. Раньше он очень быстро все понимал.

– Я... Сожалею, что побеспокоил вас... – Он запинаясь. Его взгляд метнулся за спину Мишель, к окнам фермы, и она увидела, как он замер. Наверное, заметил Скарлет, которая наблюдала за ними. – Мне нужна ваша помощь, – снова заговорил он. – Я... Э-э, кажется, я заблудился...

Мишель опустила вилы.

– А что у вас с машиной? Странный был звук, когда вы подъезжали.

Логан вновь посмотрел на нее, и его лицо немного прояснилось.

– Боюсь, что так. К сожалению, я ничего не понимаю в технике. – Он безнадежно махнул рукой в сторону хувера.

Изображая досаду, Мишель повернулась к гаражу.

– Мотор звучит так, будто вы давно не меняли гель-охладитель. У меня тут есть немного. И я могу нарисовать вам карту, как выбраться отсюда.

Она не оглядывалась, но слышала, как шаги Логана скрипят по твердой холодной земле, пока они шли к гаражу. Она не смотрела и на Скарлет в окне, хотя чувствовала спиной насто-роженный взгляд внучки.

Настороженный – ведь именно так ее воспитала Мишель. Она всегда чувствовала вину за это, но появление Логана напомнило, как они до сих пор рискуют, хотя прошло уже столько времени. Пока принцесса находится на ее попечении, они со Скарлет никогда не будут в полной безопасности.

Дверь гаража захлопнулась за ними, и она повернулась к Логану.

– Что случилось?

Лицо Логана снова стало напряженным.

– Прости. Я не знал, что ты... Я не думал, что у тебя... – Он не знал, как назвать Скарлет, и Мишель не стала подсказывать ему. Сказать, что у нее есть внучка? Нет, это значит оказаться в двух шагах от того, чтобы сказать ему, что внучка есть *и у него*. А ведь много лет назад она решила, что будет лучше... безопаснее для всех, если он никогда не узнает.

– Зачем ты приехал? – спросила она, прислонив вилы к деревянному шкафу с облупившейся краской. – Ты сказал, что не вернешься, пока *ей* не исполнится хотя бы пятнадцать лет. Я не ждала тебя так скоро.

– Я знаю. Но медлить больше нельзя... Мы должны завершить операцию. Должны разбудить ее, пока не стало слишком поздно.

Мишель нахмурилась. Когда Логан привез к ней принцессу, то очень подробно объяснил, что будет потом, когда она станет старше. Когда ее тело будет почти взрослым, они отрегулируют физические параметры, необходимые для ходьбы, дыхания, речи. Для того, чтобы стать той королевой, которая нужна Луне. Мишель понадобилось много времени, чтобы понять: Логан собирался превратить принцессу в киборга. Это было дико, странно, но она давно понимала, что это единственный возможный вариант. Сама она ничего не имела против киборгов. Просто еще один вид существ в ряду множества других. Однако Логан всегда говорил, что операция будет проведена, когда ребенок станет старше. Если не до конца развившееся тело получит конечности киборга взрослой длины, оно станет неуклюжим, а со временем эти конечности, возможно, даже станут несовместимы с растущими органическими тканями.

– Но почему? – наконец спросила Мишель. – Она еще такая маленькая. Зачем будить ее сейчас?

Логан изменился в лице и прислонился к шаттлу, на котором Мишель возила овощи на рынок.

– У меня лунная болезнь. – Его голос дрогнул.

Это прозвучало как признание в каком-то чудовищном преступлении. На лице Мишель отразилось непонимание, и его взгляд смягчился.

– Я схожу с ума, Мишель. Когда я прибыл на Землю, то мог использовать свой дар в полную силу, это помогало мне скрываться. Но теперь даже мелкие манипуляции стали опасными. Я все время боюсь, что рядом окажется другой лунатик и заметит, что я использую дар. Или что какой-нибудь землянин догадается, что я пытаюсь манипулировать чужим сознанием... – Между бровями у него залегла глубокая складка. – И я прекратил.

Я не использовал свой дар годами, а теперь... Теперь я за это расплачиваюсь. Это сводит меня с ума, и я думаю, что уже не смогу остановиться, даже если попытаюсь. Все развивается быстро. Гораздо быстрее, чем я ожидал...

Он закрыл лицо руками и застонал. Мишель смотрела на него. Она не была уверена, что поняла хотя бы половину из того, что он сказал. Она ведь была всего лишь пилотом и фермером. А Логан был жителем Луны, врачом, он бросил дом и рисковал всем, чтобы спасти ребенка. И если он уверен, что принцессу пора будить, Мишель не станет с ним спорить.

– Она готова? – спросила Мишель.

– Должна быть готова. – Логан хотел сказать что-то еще, но промолчал. И через некоторое время продолжил: – Я не оставлю ее тут, после того как она проснется и ее состояние стабилизируется. Я и так слишком долго подвергал тебя опасности.

Раньше они всегда избегали этой темы. Разговоров о том, что будет *после*.

Было очень непросто поддерживать жизнь принцессы, хранить все в тайне, быть постоянно готовой защитить ее. И слишком трудно представить, что с ней будет, когда операция завершится.

Но у них больше не было выбора.

Скоро она уже не будет телом в восстановительной камере. Она станет ребенком.

Одиннадцатилетней девочкой, напуганной и растерянной.

– Куда ты ее отвезешь?

– Я нашел человека, который живет в Восточном содружестве, в Новом Пекине. Его зовут Гаран Линь, он образованный человек, много знает об андроидах и искусственном интеллекте. Это хорошо, учитывая ее кибер... дополнения. Он изобретатель и создал удивительное устройство, которое присоединяется к нервной системе человека. Для землян это означает, что те, у кого есть лунный дар, больше не смогут ими манипулировать. А для жителей Луны это означает, что они не смогут подчинять себе чужое сознание, и в то же время это защитит их от галлюцинаций, свойственных лунной болезни.

Мишель снова нахмурилась, пытаясь понять то, что он сказал.

– Что ж... Хорошо. Это ведь и тебе поможет? Не позволит... сойти с ума?

– Нет, нет. Я не стану использовать этот прибор. Их всего два, пока это прототипы. Один, разумеется, достанется принцессе. Ведь пока она не научится контролировать свой дар, мы не можем рисковать и раскрыть ее личность. Другой прототип – для тебя.

– Для меня?

– На всякий случай. – Логан пристально посмотрел на нее. – На тот случай, если с тобой что-нибудь случится. Вдруг лунатики найдут тебя и... попытаются манипулировать, чтобы узнать, где находится принцесса.

Мишель стиснула зубы. Есть ведь и другие способы получить информацию. Более старомодные. Но Логан хотел защитить ее разум. Мишель слышала истории о королеве Леване и ее... методах. И была благодарна Логану, который хотел защитить ее хотя бы от этого. Она понимала, чем он жертвует ради нее, хотя он сам ни за что в этом не признался бы.

– Хорошо, – ответила она, вытирая вспотевшие ладони о джинсы. – Ты нашел изобретателя, и ребенок получит это его устройство. Что дальше?

– Она будет жить у него. Он согласился растить ее вместе со своими детьми. У него две дочери. Это будет хорошая приемная семья.

Мишель склонила голову.

– Он знает, кто она такая?

– Еще нет. – Логан вздохнул. – Но я должен буду ему сказать. Он должен понимать риск, которому я подвергаю его и его семью. И... и он должен знать, какую ценность представляет эта девочка. Я постараюсь присматривать за ней столько, сколько смогу, но не уверен, что буду в своем уме, когда настанет пора открыть ей правду. Возможно, эта обязанность также ляжет на его плечи.

Логан говорил так уверенно. Его решения были окончательными. Бесповоротными. И Мишель вдруг поняла, как он боится того, что происходит у него в голове. Логан всегда гордился своим умом. Как ужасно должно быть ему осознавать, что он его теряет.

Его лицо вдруг исказилось.

– Я не приму твоей жалости, Мишель. Я сам так решил и уверен, что поступаю правильно.

– Конечно, – ответила она. – Ты ведь изменил ход истории.

– Еще нет. Но, может быть, однажды... – Он потер лоб и посмотрел на люк, ведущий вниз, туда, где находилась Селена. – Как она?

– Все так же. Выросла. В этом году особенно. Растет как головастик.

Логан кивнул.

– Понадобится как минимум неделя, чтобы завершить операцию. Проводить ее придется поэтапно. Ты будешь готова через месяц?

Месяц. Столько лет ожидания... А теперь события развивались внезапно и стремительно, как летящий навстречу поезд.

– Нужно убрать отсюда Скарлет, – прошептала она сама себе. – Может быть, она сможет побыть это время с отцом. – Логан смотрел на нее. А она смотрела на него, ожидая вопроса: «Скарлет? Кто это – Скарлет? А ее отец?»

Он первым опустил взгляд, и она ничего не сумела в нем прочесть. Не могла сказать, догадался он или нет. Они были вместе так давно, так недолго. У него не было причин подозревать...

Но он всегда хорошо понимал ее молчание.

Он ничего не спросил. Только кивнул и сказал: «Велю Гарану готовиться к путешествию».

Все вокруг казалось до боли знакомым. Злость Скарлет немного утихла, пока поезд на магнитной подушке снова мчался из Парижа в Тулузу, но внутри у нее все еще было скручено в узел от ярости. Она больше не желает видеть отца. Никогда. Она твердила это себе еще в прошлый раз, когда ей было семь. А теперь была еще больше уверена в этом. Этот спившийся, наглый, высокомерный засранец больше для нее не существует.

Скарлет поверить не могла, что согласилась провести с ним целый месяц. Она вспоминала бабушкины слова о том, что это прекрасная возможность восстановить отношения и показать отцу, какой она растет сильной молодой женщиной, и бла-бла-бла... Какая чушь! Когда она приехала, он повесил заботу о ней на очередную по уши влюбленную в него девицу, а сам исчез и не появлялся, а когда возвращался, то от него разило коньяком. А если он все-таки и проводил с ней какое-то время, то без остановки критиковал ее выбор одежды или обвинял бабушку в том, что она забивает ей голову всякой чепухой, или упрекал Скарлет за то, что она слишком привязалась к этой «старой безумной летучей мышке».

Это стало последней каплей. Действительно, последней.

Десять минут неистового скандала, и Скарлет собрала сумку, пулей выскочила из его квартиры и с удовольствием хлопнула дверью. Она отправилась напрямик на вокзал. Отец даже не пытался ее остановить, а ей на этот раз было действительно все равно.

Она провела с ним девять дней. Это уже само по себе было подвигом. И теперь она едет на ферму. К бабушке. Домой.

Когда она сошла с поезда и тулузский вокзал остался позади, яростный узел начал рассыпаться. Скарлет протяжно вздохнула, с нетерпением ожидая, когда почувствует знакомый запах сена и навоза, который раньше вызывал у нее отвращение, а со временем стал успокаивающим и почти приятным. Скоро она будет сидеть за чашкой густого горячего шоколада и рассказывать бабушке о том, что ей пришлось пережить. Скоро она уютно свернется под своими любимыми зимними одеялами, слушая уханье совы, поселившейся на ферме в начале года.

На этот раз она совсем не волновалась, пока ехала в такси.

Каждое мгновение, отдалявшее ее от Парижа и горе-отца, наполняло ее спокойным, приятным чувством возвращения домой. Когда хувер свернул на их узкую подъездную дорожку и она увидела дом, окруженный сугробами, облегчение, которое она почувствовала, едва не выплеснулось наружу.

Она дома!

Скарлет выскочила из хувера еще до того, как он полностью остановился, пробежала по дорожке и распахнула входную дверь. Но, сделав несколько шагов, она почувствовала, что дома не слышно ни звука. Она замерла. Ни звяканья кастрюль на кухне. Ни скрипящих половиц над головой...

Бабушки не было дома.

– Бабушка? – позвала она.

– Скарлет!

Она обернулась, и ее лицо озарилось улыбкой. Бабушка спешила к ней через двор, на лице ее читалось беспокойство.

– Я слышала, как улетал хувер, – сказала она, задыхаясь. – Что ты тут делаешь?

– Вернулась домой пораньше, – ответила Скарлет. – Я больше не могла там оставаться. О, бабушка, это было ужасно, ужасно! – Она хотела подбежать к бабушке, но вдруг остановилась.

Волосы Мишель были растрепаны, а под глазами появились темные круги, как будто она не спала с того самого дня, как Скарлет уехала. И она не улыбалась.

– Ты не можешь здесь оставаться! – резко сказала ей бабушка и сама вздрогнула от звука собственного голоса.

– Что? – Скарлет нахмурилась.

– Это не... – Бабушка вздохнула. Она подошла к Скарлет, не обняла ее, не поцеловала. Они не виделись целую неделю, но все, что она сделала, – просто втолкнула Скарлет обратно в дом.

Скарлет уронила рюкзак на пол.

– Что происходит?

Бабушка пыталась взять себя в руки, но лицо ее по-прежнему было искажено.

– Я рассчитывала, что ты еще несколько недель пробудешь в Париже. Почему ты не прислала сообщение, что возвращаешься раньше?

– Хотела сделать сюрприз, – огрызнулась Скарлет. Снова разозлиться было очень просто. Она и так злилась всю прошлую неделю. – Почему ты кричишь?

– Я не кричу! – Бабушка зарычала и скрестила руки на груди.

Скарлет повторила ее позу и зарычала в ответ. Они были уже почти одного роста. Бабушка вздохнула и потеряла переносицу.

– Ладно, – сказала она. – Ладно. С этим уже ничего не поделаешь. Но раз ты дома... – Теперь она заговорила деловым тоном. В ее голосе все еще слышалась злость, но теперь Скарлет видела и то, что бабушка очень устала. – Я не смогла на этой неделе попасть в город. – Она прошла на кухню. – Так что туда поедешь ты. Мы вызовем такси. У меня для тебя несколько поручений. Зайди в булочную, и в магазин за продуктами, и еще отнеси шторы в химчистку, и...

– Прощу прощения? – окликнула ее Скарлет, с изумлением глядя, как она суетится, составляя список продуктов. – И это все? У меня была кошмарная, просто кошмарная неделя, а ты отправляешь меня по каким-то дурацким делам, даже не... – Ее голос дрожал. – Даже не сказав: «Рада тебя видеть»?

Бабушка замерла и обернулась. Тень вины пробежала по ее лицу, но она прогнала ее и выпрямилась.

– Если ты рассчитывала на торжественный прием, нужно было сообщить, что возвращаешься. У меня есть дела в городе, и они должны быть сделаны. Нужно, чтобы ты сегодня съездила за всем этим в город. В конце концов, если ты достаточно взрослая, чтобы приехать на поезде из Парижа, то сумеешь выполнить и несколько поручений.

– Хорошо, я сейчас вызову хувер, – сказала Скарлет, стискивая зубы и стараясь не заплакать. – Пришли мне список, когда составишь его. Я больше не стану отнимать у тебя драгоценное время. – Она рванула обратно к выходу. – Кстати, – крикнула она через плечо, – я тоже скучала!

Она так хлопнула дверью, что весь дом вздрогнул, но на этот раз она не почувствовала никакого удовлетворения.

Мишель задыхалась от чувства вины. Скарлет не сказала ей и двух слов с тех пор, как вернулась накануне домой. Да и сама Мишель избегала разговоров, ведь она не могла объяснить, почему так расстроена ее возвращением. Не могла извиниться. Так что молчать было проще. Жить вместе в маленьком доме и не замечать друг друга, пока все это не кончится.

Она знала, что это неправильно. И хотела рассказать Скарлет правду.

Но как объяснить внучке, что ты отослала ее в Париж, чтобы помочь врачу с Луны провести сложнейшую операцию: превращение пропавшей принцессы в киборга? Как объяснить, что изобретатель из Восточного Содружества явится сегодня, чтобы подключить прибор к нервной системе девочки, которую он потом удочерит. Девочки, которую восемь лет скрывали в твоём гараже? Как объяснить ей, что, если она обмолвится об этом хоть словом, если позволит этой огромной тайне просочиться наружу, это приведет к тому, что вас обеих найдут, будут пытаться и убьют?

Нет, она ничего не могла рассказать Скарлет. И была вынуждена и дальше притворяться, будто раздражена тем, что Скарлет вернулась домой раньше, хотя ей хотелось только одного – прижать ее к своей груди.

От всего этого было тошно.

Но Мишель твердила себе, что все уже почти закончилось. Скоро принцесса уедет, они со Скарлет будут в безопасности и станут жить дальше, как будто ничего и не было.

Она проверила время по портскрину. Линь Гаран должен вот-вот приехать. Если бы вчера у нее было время подумать, она бы отправила Скарлет в город сегодня, но теперь уже поздно.

Поднявшись по скрипучим ступеням, она постучалась к Скарлет. В комнате послышалось какое-то движение, потом Скарлет открыла дверь и уставилась на нее.

Ненавидя себя за это, Мишель сделала вид, что все еще сердится. Она сказала, высоко задрвав подбородок:

– У меня артрит разыгрался от холода. Сегодня я не могу ничего делать по дому. Займись хозяйством. И корову пора подоить.

Скарлет открыла дверь чуть шире и нахмурилась.

– С каких это пор у тебя артрит?

Мишель выдержала ее взгляд.

– Ты же знаешь, что я не люблю жаловаться. Так что я об этом особо не упоминала.

– Ты *никогда* об этом не упоминала, – заметила Скарлет.

Мишель вздохнула. Она не хотела затевать новую ссору.

– Я знаю, ты не любишь доить корову, но, пожалуйста, просто пойд и сделай это.
Скарлет вскинула руки.

– Ты ведь знаешь, что достаточно просто попросить. Я ведь тоже тут живу. Я никогда не жаловалась, но ты все равно обращаешься со мной как с избалованным городским ребенком, который чуть что закатывает истерику. Но все, чего я хочу, это быть тут своей и чтобы ты так ко мне и относилась.

На глазах у Мишель выступили слезы. Она попыталась ответить, но не смогла.

Скарлет вздохнула и отвернулась. На ее лице было написано разочарование. Мишель не думала, что может почувствовать себя еще хуже.

– Ты права, – наконец прошептала она. Скарлет бросила на нее взгляд, и Мишель слабо улыбнулась. – Я постараюсь исправиться. – Она кашлянула. – Так ты...

– Конечно, я все сделаю, – пробормотала Скарлет, глядя на нее уже мягче. – Дай мне переодеться.

Мишель смотрела, как внучка собирает рыжие волосы в узел. Звезды, как она любит этого ребенка! Который у нее на глазах превращался в женщину. Она не могла дождаться того момента, когда сможет сказать ей об этом.

– Спасибо, – ответила она и пошла вниз по ступенькам.

Несколько минут спустя она услышала шаги Скарлет на лестнице. Задняя дверь скрипнула и закрылась: не хлопок, но и не особо аккуратно.

Не успела она поднести чашку кофе к губам, как в дверь тихо постучали. Она напряглась. Гаран Линь приехал раньше. Оставалось только надеяться, что Скарлет его не заметит.

Вытерев руки полотенцем, Мишель открыла дверь.

– Бонжур, – сказала она темноволосому человеку, который стоял на пороге. – Вы, должно быть, месье Линь.

Он то и дело беспокойно поправлял ворот тяжелого зимнего пальто и не перестал это делать даже после того, как пожал ей руку. Но он широко улыбался. Широко, искренне, нервно и восторженно.

– А вы – Мишель Бенуа! – сказал он. – Хранитель величайшей тайны третьей эры. Огромная честь с вами познакомиться!

Все еще не придя в себя после перепалки со Скарлет, Мишель с трудом улыбнулась в ответ, шагнула в сторону и предложила ему снять пальто.

– Со мной живет внучка, и, боюсь, она ничего не знает обо всем этом. Так что я была бы признательна за вашу осмотрительность.

– Конечно. Если бы я не был осмотрителен, уверен, Логан и не поручил бы мне такое ответственное дело.

– Уверена, это так. Давайте пройдем на кухню. Внучка занята хозяйством, и у нас есть примерно полчаса, чтобы все обсудить.

Мишель снова и снова прокручивала в голове встречу с Гараном. Она сидела на своей кровати, на коленях у нее лежала коробка. Она смотрела в окно на половинку луны за тонкими зимними облаками и не понимала, как вышло, что бесконечно далекая политика и мировые тайны начали иметь какое-то отношение к ее жизни.

Она почти не спала. Им со Скарлет и раньше случалось ссориться, но ни одна из прежних размолвок не могла сравниться с этой. Никогда раньше Мишель не чувствовала, что все безнадежно испорчено. Она дала Скарлет слишком мало поручений. Скарлет справилась с делами почти так же быстро, как сама Мишель, и они все еще разговаривали с Гараном, когда она вернулась. Прокралась обратно и подслушала их. Мишель не знала, что именно она услышала, но было ясно, что Скарлет ничего не знает о принцессе Селене. Но она неверно истолковала

услышанное и теперь уверена, что Мишель хочет отослать ее прочь. А Гаран собирается удочерить ее.

Мишель не знала, как ей все объяснить. Не знала, как все исправить.

– Скоро, – прошептала она. Скоро все это останется позади. Скоро она придумает, как помириться со Скарлет.

Она посмотрела на коробку, которую держала на коленях, и откинула крышку. Внутри лежала аккуратно сложенная новая толстовка с капюшоном. Красная, из мягкого хлопка. Это, конечно, не самый шикарный подарок, но весной, когда растает снег, он придется кстати. Скарлет любит все красное. Этим и своими рыжими волосами она как будто бросала миру вызов.

Мишель с нетерпением ждала, когда она сможет вручить ей подарок.

На портскрине зазвенел сигнал. Два часа ночи.

Пора.

Она сунула коробку под кровать. Открыв дверь, постояла минуту в узком коридоре, прислушиваясь, пока не различила дыхание Скарлет, доносящееся из другой комнаты. Она шагнула вперед и коснулась закрытой двери.

– Я люблю тебя, Скарлет, – прошептала она в ночной тишине.

Затем повернулась и осторожно спустилась вниз, стараясь, чтобы ступени не скрипели.

Логан и Гаран уже приступили к работе, когда она спустилась в бункер. За последнюю неделю принцесса из покалеченного ребенка превратилась в киборга с металлическими частями тела и сложным программным обеспечением, интегрированным в мозг. Мишель помогала Логану, подавала материалы и инструменты, наблюдала за показателями жизнедеятельности, а в остальное время старалась смотреть в сторону. Она не была слабаком, но это даже для нее было слишком.

Логан кивнул ей. Они с Гараном оба были в масках, и Мишель тоже надела маску, прежде чем подойти к операционному столу.

Принцессу перевернули на бок. Логан держал медицинский портскрин, и лазер аккуратно сплавлял надрез в задней части ее шеи. Они уже закончили подключение к ее спинному мозгу прототипа, который привез Гран.

Значит, до конца операции минут сорок, не больше. А потом настанет ее очередь.

– Как она? – спросила Мишель, бросив взгляд на металлическую руку и ногу принцессы.

– На удивление хорошо, – ответил Логан. – Ее тело адаптируется к новым протезам и проводке лучше, чем я надеялся. Думаю, худшее позади. – Разрез на шее стал уже почти невидимым. Остался только бледный шрам, но и он со временем исчезнет.

– Готово. Давайте перенесем ее обратно в восстановительную камеру.

Они сделали это вместе. Принцесса была хрупкого сложения, но теперь, с новой ногой и рукой, весила гораздо больше.

– Погрузим ее обратно в стазис? – спросила Мишель.

– Нет, – ответил Логан. – Мы ее разбудим.

Мишель окаменела.

– Как? Сегодня? Я думала, она будет готова лишь через неделю, если не больше.

– Через неделю она будет готова к путешествию, – сказал Логан.

Он склонился, чтобы подключить датчики к голове принцессы. Всю неделю после каждой операции датчики приходилось снимать и заново устанавливать.

– Но будить ее мы начнем уже сегодня. Делать это нужно медленно и постепенно. Ее нервная система и так пережила немало потрясений. Так что я постараюсь сделать этот переход максимально плавным.

– Значит, она будет в сознании всю следующую неделю? – спросила Мишель.

Этого она не ожидала. Проснувшуюся девочку нельзя держать в бункере, но и забрать домой она ее тоже не могла.

Логан покачал головой.

– В сознании, но все еще под действием медицинских препаратов. Пройдет пара дней, прежде чем она начнет различать окружающее. Гаран согласился остаться с ней и начать восстановление мышечной ткани. Восстановительная камера справилась с задачей, а новая система корректно подключена к ее организму, так что я надеюсь, что она сможет выйти отсюда через неделю.

Выйти... Столько лет прошло, и теперь принцесса будет заново учиться ходить, разговаривать и находиться в сознании.

Мишель шагнула ближе и взгляделась в лицо девочки. Каштановые волосы были испачканы гелем, которым она питалась с трехлетнего возраста. Лицо выглядело осунувшимся, тело было гибким и стройным. Мишель надеялась, что Гаран будет хорошо заботиться о ней, когда заберет в свою семью.

Она ведь еще ребенок, а на ее плечи уже взвалили столько надежд и ожиданий. Мишель вдруг стало жалко ее. А еще она поняла, что будет скучать по ней – по этой девочке, которая доставила ей столько хлопот. И так долго была неотъемлемой частью ее жизни, а теперь уедет, так и не узнав даже имени Мишель, которая так долго о ней заботилась.

– Все в порядке, – пробормотал Логан, глядя на портскрин, подсоединенный к восстановительной камере. – Приступаю к процедуре пробуждения. Она проснется через несколько минут, но еще раньше мы увидим признаки жизни, не зависящей от механизмов.

В основании подвешенного резервуара послышалось гудение.

Девочка не двигалась. Ни вдоха, ни движения.

Мишель посмотрела на Гарана, который с жадным любопытством наблюдал за ребенком.

– Как вы ее назовете? – спросила она.

– Как назовем?

– Вы ведь не можете звать ее Селеной. Вы уже выбрали ей другое имя?

Гаран выпрямился, в его взгляде читалось недоумение.

– Я об этом даже не подумал.

– Мишель права, – сказал Логан, не отрываясь от портскрина.

– Если она останется тут, на Земле, ей будет нужен новый ID-чип. А еще нужно сочинить легенду о ее семье и какую-нибудь правдоподобную историю о том, как она стала киборгом. Чтобы отвести любые подозрения. У меня уже есть идеи, но вы, как ее будущий опекун, можете придумать имя.

Гаран посмотрел на девочку и нахмурился.

– Я не очень в этом разбираюсь. Имена для наших дочерей выбирала жена. Не думаю, чтобы у меня были какие-то соображения по этому поводу...

Мишель сказала:

– Кажется, у меня есть идея.

Логан и Гаран посмотрели на нее.

– Что, если назвать ее... Золой?

Они молчали, неуверенные в том, что поняли ее. Тогда Мишель объяснила:

– Это простое имя, но в нем скрыта определенная... сила. А еще это отсылка к ее истории – она побывала в огне и возродилась из пепла. Из золы.

Они все посмотрели на девочку.

– Зола, – сказал Логан и повторил: – Зола. Мне нравится.

– Мне тоже, – согласился Гаран. – Зола Линь.

Мишель улыбнулась, радуясь, что они так легко согласились. Выбор имени для ребенка – не то решение, которое следует принимать впопыхах, но она чувствовала, что это имя идеально подходит. И теперь у принцессы есть свой символ. Имя, которое Мишель дала ей, как прощальный подарок, пусть даже она никогда не узнает об этом.

Зола. Угли. Пепел. Мишель надеялась, что какая бы сила ни помогла этому ребенку выжить в огне многие годы назад, она все еще остается с ней. И продолжит гореть ярче и ярче, пока не станет такой же яркой, как восходящее солнце.

Принцессе понадобится сила, чтобы справиться с тем, что ждет ее впереди.

Мишель положила руку на крышку восстановительной камеры, прямо над сердцем девочки, и в этот момент экран мигнул.

Удар сердца.

И через десять секунд еще один. И еще.

Нервы у всех были напряжены до предела. Мишель склонилась ближе, стекло запотело от ее дыхания.

– Привет, Зола, – прошептала она. – Рада наконец познакомиться с тобой.

Как будто услышав, что ее позвали по имени, девочка открыла глаза.

Программный сбой

– Готова познакомиться со своей новой семьей?

Она отвернулась от окна, за которым снег заваливал бамбуковые заборы и приземистый андроид расчищал себе путь, и посмотрела на человека, сидевшего напротив. Он был добр к ней во время всего путешествия, которое заняло целых два дня. Они пересаживались с хувера на поезд, с поезда – на два пассажирских корабля, и снова на хувер. Но улыбался он по-прежнему нервно, и это заставляло ее беспокоиться. К тому же он постоянно забывал ее имя.

– Я не помню старую семью, – ответила она, поправляя тяжелую левую ногу, чтобы та не высовывалась так далеко в проход между сиденьями.

Его губы сложились в гримасу, которая, наверное, должна была выражать сочувствие, и на этом разговор закончился. Внимание ее спутника снова переключилось на устройство с экраном, бросавшим зеленоватый отсвет на его лицо. Он не был старым, но глаза его казались уставшими, а одежда сидела плохо. И хотя он был чисто выбрит, когда она впервые его увидела, сейчас ему не помешала бы бритва.

Она снова стала смотреть на заснеженную улицу. Пригород показался ей тесным и... странным. Ряд приземистых одноэтажных домиков, за ним – особняк с замерзшим фонтаном во дворе и с красной черепичной крышей. Еще ряд одинаковых особняков, облезлая многоэтажка, а за ней снова одноэтажные домики. Это выглядело так, будто кто-то зачерпнул пригоршню домов и рассыпал их по сетке дорог, не заботясь о том, что куда попадет.

Она подозревала, что то место, куда они едут, не будет похоже на холмистые просторы, которые она видела в Европе, но тогда она была в таком затуманенном состоянии, что едва могла что-то вспомнить. Она помнила только, что там тоже шел снег. Она устала от снега и холода. Из-за них болели кости – там, где ее тело соединялось с металлическими протезами.

Она снова посмотрела на человека, сидевшего напротив.

– Мы скоро приедем?

– Скоро, Зола, – он кивнул, не поднимая глаз.

Обхватив пальцами шрам на запястье, она ждала. Надеялась, что он скажет что-нибудь, чтобы ее успокоить, но, кажется, он был не из тех, кто замечает чужое беспокойство. Она попыталась мысленно назвать его «папа», но у нее ничего не вышло. Она даже не могла сравнить этого человека со своим настоящим отцом, поскольку в результате бесконечных операций все ее воспоминания почти исчезли. И все, что у нее осталось от родителей, – это их ID-профили с фотографиями, которые ни о чем ей не напоминали, и штампом сверху «УМЕР».

Они погибли в аварии, отнявшей у нее ногу и руку.

Согласно официальным записям, больше у нее никого не было.

Дедушка и бабушка Золы тоже были мертвы. У нее не было братьев и сестер. Никаких больше родственников. Никаких друзей... Во всяком случае таких, которые захотели бы напомнить о себе. Во всей Европе не нашлось никого, кто захотел бы взять ее к себе. Поэтому в поисках новой семьи они добрались до самого Нового Пекина. Она прищурилась, пытаясь вспомнить, кто это *они*. Безликие люди, которые вытащили ее из обломков и превратили в... *это*. Доктора и хирурги. Ученые. Программисты. Должно быть, там был и какой-нибудь социальный работник, но она не могла вспомнить. Ее память подсовывала ей лишь размытые образы французской глубинки и этого незнакомца, сидящего напротив, уставившегося на прибор, который он держал в руках.

Ее новый приемный отец.

Хувер начал снижать скорость, приближаясь к обочине. Уткнулся в сугроб и, вздрогнув, остановился. Зола ухватилась за поручень над головой, но хувер уже замер, выскочив немного из колеи на плотный снег.

– Вот мы и приехали, – сказал человек, когда двери хувера открылись.

Она вжалась в сиденье, ее рука сжимала поручень, а порыв ледяного ветра закружил вокруг них. Они остановились у одного из этих небольших домиков с облупившейся краской и водосточным желобом, провисшим под тяжестью снега. Тем не менее это был довольно симпатичный домик, белый и с красной крышей, окруженный голыми деревьями и кустами, так что Зола смогла представить себе, как этот сад выглядит весной.

Человек расплатился, проведя запястьем над сканером, выбрался из хувера и шагнул на подъездную дорожку, расчищенную от снега, но покрытую льдом. Раньше чем он успел сделать еще шаг, дверь дома распахнулась, и две девочки, ровесницы Золы, с радостными воплями сбежали по ступеням крыльца. Человек наклонился, раскрывая объятия, и девочки бросились ему на шею. Сидя внутри хувера, Зола впервые услышала, как этот человек смеется.

На пороге, запахивая толстый стеганый халат, появилась женщина.

– Девочки, не задушите отца. У него была долгая поездка.

– Не слушайте свою мать! Можете душить меня сколько угодно. – Он поцеловал дочерей в макушки и выпрямился, крепко держа их за руки. – Хотите познакомиться со своей новой сестрой? – спросил он, оборачиваясь.

Казалось, он удивился, увидев пустую дорожку.

– Выходи, Зола.

Она поехала и разжала руку, которой держалась за поручень. Придвинувшись к двери, она попыталась выйти из хувера, но расстояние до земли оказалось меньше, чем она ожидала, и ее новая нога не успела согнуться. Лед затрещал, она вскрикнула и оступилась.

Мужчина поспешил к ней и поддержал, сжав ее металлические пальцы.

– Все в порядке, это вполне естественно. Твои мышцы пока еще слабы. Понадобится время, чтобы проводка полностью интегрировалась в нервную систему.

Зола устала в землю, дрожа от холода и унижения. Что могло быть *естественного* во вживленной проводке?

– Зола, – продолжил мужчина, выводя ее вперед, – это моя старшая дочь Перл, а это младшая – Пиона. А это их красавица-мать, Адри. Твоя новая приемная мать.

Из-под свисающих на глаза темных волос она уставилась на двух девочек.

Они обе во все глаза таранились на ее металлическую руку.

Она хотела убежать, спрятаться, но тут младшая, Пиона, спросила:

– Больно было, когда тебе ее приделали?

Почувствовав, что уверенно стоит на ногах, Зола высвободила свою руку и прижала ее к телу.

– Я не помню.

– Пиона, во время операции она была без сознания, – сказал мужчина.

– Можно потрогать? – спросила та, уже протягивая руку.

– Гаран, хватит. Люди смотрят.

Зола вздрогнула от пронзительного голоса, но когда подняла взгляд, ее приемная мать не смотрела на них. Она смотрела через дорогу.

Гаран – так зовут мужчину. Зола постаралась это запомнить. А потом проследила за взглядом Адри и увидела человека, уставившегося на них в окно.

– Тут холодно, – сказала Адри. – Перл, ступай, найди андроида, пусть она принесет багаж отца. Пиона, можешь показать Золе ее комнату.

– Ты хотела сказать *мою* комнату, – поправила Перл, и ее губы скривились, когда она направилась к дому. – Я старшая. Я не должна делить комнату с Пионией.

К удивлению Золы, младшая девочка повернулась и вцепилась в ее руку, потянув за собой. Зола едва не поскользнулась, что кончилось бы новым унижением, но тут она заметила, что и Пиона нетвердо ступает по льду.

– Пусть Перл забирает комнату, – заявила она. – Я согласна жить с Золой. Адри напряглась, когда увидела их сплетенные руки.

– Вы обе, не спорьте со мной!

Конденсат выступил на металлической руке Золы, когда она вошла с морозного воздуха в теплую прихожую, но Пиона, кажется, этого не заметила и потянула ее дальше, в заднюю часть дома.

– Не знаю, почему Перл расстроилась, – сказала она, толкая дверь плечом. – Это самая маленькая комната в доме. Наша спальня намного лучше. – Отпустив руку Золы, она подняла жалюзи на маленьком окне. – Смотри, отсюда видно соседскую вишню. Она очень красивая, когда цветет.

Зола не пошла за ней к окну и окинула взглядом комнату. Она казалась маленькой, но была больше купе в поезде, и у нее не было других спален, с которыми можно было бы сравнивать. Матрас в углу, одеяло аккуратно подоткнуто, а у ближайшей стены – пустой маленький шкаф.

– У Перл тут был нетскрин, но мама переставила его на кухню. Ты можешь пользоваться моим, когда захочешь. Тебе нравится «Остров кошмаров»? Это мой любимый сериал.

«Остров кошмаров»? Не успела Зола переспросить, как в ее мозгу возник поток данных. Популярный сериал для девочек-подростков; в нем снимаются тридцать шесть молодых знаменитых актеров, погрязших во лжи, предательствах и романтике; еще там есть безумный ученый, у которого есть план...

– Только не говори, что никогда о нем не слышала!

Зола пожала плечами.

– Слышала, – ответила она, моргая, чтобы прогнать цифры и буквы. И невольно задавалась вопросом, можно ли заставить собственный мозг прекратить это делать всякий раз, как она слышит незнакомые слова. После того как она очнулась после операции, это происходило почти постоянно. – Какой-то сериал, и там еще есть какой-то безумный ученый, так? Хотя я никогда его не видела.

– Не страшно! У меня подписка на целый сезон. Посмотрим вместе. – Она запрыгала от радости. Взгляд Золы остановился на коробке, наполовину задвинутой за дверь. Небольшая рука в царапинах свешивалась через край.

– Что это? – спросила Зола, нагибаясь. Руки она держала сцепленными за спиной.

– О, это Ико. – Отойдя от окна, Пиона нагнулась и вытащила коробку на середину комнаты. Она была набита частями разобранного андроида: округлое тело, блестящая белая голова, сенсорные датчики, прозрачный пакет, набитый винтами и чипами. – У нее был какой-то сбой в индивидуальном чипе. Мама слышала, что за нее можно выручить больше, если продать по частям, а не целиком, но ее никто не захотел покупать. И теперь она просто лежит тут, в коробке.

Зола поежилась, невольно задаваясь вопросом, насколько похожи между собой чипы андроидов. Или киборгов.

– Я очень любила Ико. Она была гораздо забавнее скучных садовых андроидов. – Пиона взяла трехпалую металлическую руку и сделала так, чтобы пальцы сомкнулись. – Мы с ней играли в ателье. – Ее глаза загорелись. – Слушай, а тебе нравится играть в ателье?

Адри появилась в дверях как раз в тот момент, когда мозг Золы сообщил ей, что «ателье» – это игра, в которую часто играют дети и где костюмы или взрослая одежда используются, чтобы развить воображение...

«Ясно», – подумала она, прогоняя сообщение.

– Ну, Зола, – сказала Адри, затягивая пояс халата и со страдальческим выражением лица оглядывая комнату. – Гаран сказал, что ты не очень требовательна. Надеюсь, тебе тут нравится?

Зола снова оглянулась: постель, шкаф, ветви вишни, которая зацветет в соседском саду.

– Да, спасибо.

Адри потеряла руки.

– Хорошо. Скажи, если тебе что-нибудь понадобится. Мы рады разделить с тобой дом, учитывая, через что ты прошла.

Зола хотела еще раз сказать «спасибо», но тут в ее оптобионике мелькнул маленький оранжевый огонек, и она поняла, что хмурится. Это было что-то новое, и она понятия не имела, что это такое.

Может быть, какой-то сбой в мозгах?

– Идем, Пиона, – позвала Адри, отступая в коридор. – Мне нужна помощь на кухне.

– Но, мы с Золой собирались...

– Пиона, сейчас же.

Насупившись, Пиона сунула Золе руку андроида и последовала за матерью.

Зола помахала чужой рукой им вслед: «пока-пока».

Шесть ночей спустя Зола проснулась, потому что вокруг пылал огонь. Она закричала, скатилась с матраса и упала вместе с одеялом, обернувшимся вокруг ее киберноги. С минуту она лежала, задыхаясь и пытаясь руками сбить пламя, а потом наконец поняла, что оно не настоящее.

Перед ее глазами светилось предупреждение о перегреве, и она заставила себя лежать спокойно, дожидаясь, пока оно исчезнет. Кожа стала липкой, капли пота катились по лбу. Даже металлические конечности казались теплыми на ощупь.

Когда дыхание удалось выровнять, она на подкашивающихся ногах доплелась до окна, распахнула его и глотнула зимнего воздуха. Снег начал таять, днем превращаясь в слякоть, а ночью – в блестящий лед. Зола постояла, наслаждаясь морозным воздухом и с восхищением глядя, как почти полная луна окрашивает мир в призрачно-голубой цвет. Она попыталась вспомнить приснившийся кошмар, но в памяти остался лишь огонь и горечь во рту.

Она закрыла окно и подкралась к двери в спальню, осторожно, чтобы не споткнуться о сумку с поношенной одеждой, которую Перл отдала ей накануне, после того как отец прочел ей лекцию о благотворительности.

Голос Адри она услышала еще до того, как добралась до кухни, и остановилась, держась за стену рукой и стараясь не опрокинуться на левую, более тяжелую сторону.

Она тянула шею, стараясь услышать разговор, и голос Адри становился все громче, но Зола вдруг сообразила, что это не Адри стала говорить громче, а что-то в ее собственной голове настраивает звук. Она потеряла ладонью ухо и услышала звук как от удара.

– Четыре месяца, Гаран! – говорила Адри. – Мы задолжали уже за четыре месяца. Суюки Чи грозит продать наши вещи, если мы немедленно ей не заплатим.

– Она не станет продавать наши вещи, – сказал Гаран. В его голосе странным образом сочетались спокойствие и напряженность. Теперь она редко его слышала. Почти все время проводил Гаран в небольшом сарае за домом, что-то «мастеря» – так говорила Пиона, хотя она и не знала, что именно он «мастерит». Он приходил лишь для того, чтобы пообедать с семьей, но почти не разговаривал и, похоже, их разговоров тоже не слушал. Казалось, его мысли где-то очень далеко.

– Почему это она не станет продавать наши вещи? На ее месте я бы так и поступила! – воскликнула Адри. – Всякий раз, выходя из дома, я гадаю, не сегодня ли она это сделает. А потом и замки на дверях поменяет. Мы не можем и дальше рассчитывать только на ее терпение.

– Все будет в порядке, любимая. Удача скоро повернется к нам лицом.

– Удача!..

Голос Адри резко ударил Золе в уши. Она вздрогнула от визгливых интонаций и попыталась уменьшить громкость – для этого достаточно было простого желания. Она задержала дыхание, невольно спрашивая себя, какие еще секреты таит ее мозг.

– С чего бы это удаче поворачиваться к нам лицом? Только потому, что в прошлом месяце ты выиграл серебряную ленту на той ярмарке в Сиднее? Твои дурацкие награды не обеспечат нас едой, а теперь ты притащил в наш дом еще одного нахлебника... Да еще и киборга!

– Мы уже говорили об этом...

– Нет, это ты говорил!.. Я хотела бы во всем поддерживать тебя, Гаран, но из-за этих твоих дурацких схем мы всего лишимся! Мы должны думать о наших девочках. Я даже не могу купить Перл новые ботинки, а теперь тут еще и это существо, которому будет нужно... что? Новая нога каждые полгода?

Съежившись у стены, Зола посмотрела на свою металлическую ногу. Пальцы казались странными и огромными по сравнению с живыми, с теми, у которых были кости, кожа, ногти...

– Конечно, нет. Ей еще целый год или два ничего не понадобится, – ответил Гаран.

Адри истерично рассмеялась.

– А ее ногу и пальцы можно регулировать по мере того, как она будет расти, – продолжил Гаран. – Ничего не будет нужно менять, пока она не станет взрослой.

Зола подняла руку и в слабом свете, падающем в коридор, осмотрела свои руки. Раньше она не замечала, что ее фаланги вложены одна внутрь другой. Значит, эта рука может расти как и настоящая... Теперь это с ней навсегда. Она всегда будет киборгом.

– Ну, это, конечно, меняет дело, – ответила Адри. – Хорошо, что ты все продумал!

– Верь мне, любовь моя.

Зола услышала, как Адри оттолкнула стул, и отступила в коридор, но все, что за этим последовало, – звук воды, бегущей из крана. Зола прижала пальцы ко рту, но даже ее мозг не мог утолить жажду одним только звуком.

– На Токийской ярмарке в марте я покажу нечто особенное, – сказал Гаран. – Это все изменит. А пока ты должна быть терпелива с ребенком. Девочка просто хочет стать тут своей. Может быть, она сможет помочь тебе по дому, пока мы не заменим того андроида?

Адри фыркнула.

– Помогать мне? Что она может, таскаясь везде с этими ужасными железяками!..

Зола услышала, как на стол поставили чашку, потом – звук поцелуя.

– Дай ей шанс. Может быть, она еще тебя удивит.

Зола метнулась прочь при первом намеке на звук шагов, прокралась обратно в свою комнату и закрыла дверь. Ей хотелось плакать от жажды, но глаза оставались такими же сухими, как и язык.

– Вот, надень зеленое, – сказала Пиона и сунула в руки Золе охапку зеленого и золотого шелка. Зола с трудом удержала его: тонкий материал перетекал между пальцами как вода. – У нас нет настоящих бальных платьев, но эти такие же красивые. Вот это мое любимое.

Пиона подняла другой наряд: пурпурная ткань, расшитая парящими журавлями. Она просунула худенькие ручки в огромные рукава и плотно обмотала материю вокруг талии, придерживая ее, потом отыскала в куче одежды длинный серебристый пояс и повязала его.

– Красиво, правда?

Зола неопределенно кивнула. Шелковые кимоно были приятнее на ощупь любой одежды, к которой она когда-либо прикасалась, но Пиона выглядела нелепо. Край кимоно лежал на полу, рукава свисали почти до колен, а в вырезе, разрушая образ, была видна ее обычная одежда. Выглядело все это так, будто кимоно проглотило девочку.

– Давай, надевай свое! – скомандовала Пиона. – Вот, это пояс, который я обычно повязываю с ним. – Она вытащила широкую черно-фиолетовую ленту.

Зола предусмотрительно натянула рукава на кисти рук, приняв дополнительные меры предосторожности, чтобы винты или суставы не зацепили тонкую ткань.

– Адри не рассердится?

– Мы с Перл всегда играли в ателье, – сказала Пиона, оборачивая пояс вокруг талии Золы. – А потом, как мы поедем на бал, если у нас нет платьев?

Зола подняла руки, стягивая рукава назад.

– Мне кажется, мои руки не подходят к этому платью.

Пиона засмеялась, хотя Зола не шутила. Похоже, ей казалось забавным все, что говорила Зола.

– Ну, представь, что ты в перчатках, – сказала Пиона. – И никто не узнает.

Схватив Золу за руку, она протащила ее через коридор в ванную, чтобы они могли посмотреть на себя в зеркале. Тонкие волосы, падающие на спину, странные металлические пальцы, торчащие из левого рукава, – Зола выглядела так же нелепо, как Пиона.

– Идеально! – просияла Пиона. – Теперь мы на балу. Принцессой всегда была Ико, но теперь мы будем просто воображать, что она тут.

– На каком балу?

Пиона уставилась на Золу в зеркало так, будто у той только что вырос металлический хвост.

– Бал в честь Летнего праздника! Самое важное событие в году... Праздник устраивают в центре города, а вечером во дворце бал. Я там никогда не была, но в следующем году Перл исполнится тринадцать, и она в первый раз туда поедет. – Пиона вздохнула и направилась в коридор. Зола пошла за ней. Волочащееся по полу кимоно мешало ей.

– Когда у меня будет первый бал, хочу фиолетовое платье с такой пышной юбкой, чтобы она еле проходила в дверь.

– Кажется, это не очень-то удобно.

Пиона наморщила нос.

– Ну, платье должно быть эффектным. А то принц Кай не заметит меня, и ради чего тогда наряжаться?

Последовав за Пионией в спальню, Зола все-таки решилась спросить:

– А кто такой принц Кай?

Пиона обернулась к ней так резко, что запуталась в полах кимоно, и, вскрикнув, упала на кровать.

– Кто такой принц Кай? – кричала она, пытаясь сесть. – Всего-навсего мой будущий муж! Серьезно, девочки в Европе ничего не знают про него?

Зола, с трудом держась на ногах, не могла ответить на этот вопрос. Проведя целых двенадцать дней с Пионией и ее семьей, она теперь знала о Восточном Содружестве больше, чем о Европе. И у нее не было ни малейшего представления чем – или кем – одержимы девочки в Европе.

– Вот, – сказала Пиона, пробираясь через сбитые одеяла и хватая с тумбочки портскрин. – Он у меня на заставке.

Она включила экран, и мальчишеский голос произнес: «Привет, Пиона». Зола шагнула вперед и взяла портскрин. На экране она увидела мальчика лет двенадцати в костюме. У него были густые черные брови, и в костюме он выглядел нелепо. Он махал кому-то рукой. Зола догадалась, что это фото с какого-нибудь медиасобытия.

– Разве он не великолепен? – спросила Пиона. – Каждую ночь я обвязываю вокруг пальца красную нитку и пять раз повторяю его имя. Девочка в моем классе сказала, что так можно связать наши судьбы. Я знаю, он мой суженый.

Зола копалась в своей голове, все так же глядя на мальчика. Ее оптобионика сканировала фотографию, ища изображения в базе данных. На этот раз Зола была готова к тому, что на

нее обрушится поток информации: номер чипа, дата рождения, полное имя и титул – принц Кайто, наследный принц Восточного Содружества.

– У него слишком длинные руки, – заметила она через некоторое время, наконец догадавшись, что в его внешности показалось ей странным. – Непропорциональные.

– О чем это ты? – Пиона выхватила у нее портскрин, с минуту таращилась на экран, потом бросила портскрин на подушку. – Да кому какое дело до его рук!

Зола пожала плечами, но не смогла удержаться от легкой усмешки.

– Ну, я просто обратила внимание.

Хмыкнув, Пиона перекатилась по кровати и спрыгнула на пол.

– Ладно, дело твое. Итак, наш хувер прибыл! Нам пора, а то опоздаем на бал, где я собираюсь танцевать с Его Императорским Величеством, а ты можешь танцевать с кем угодно. Может быть, с другим принцем? Надо придумать еще одного для тебя. Хочешь, чтобы у принца Кая был брат?

– Вы что тут делаете?

Зола резко обернулась. В дверях стояла Адри... Зола снова не услышала ее шагов и невольно подумала, не призрак ли она.

– Собираемся на бал! – ответила Пиона.

Адри вспыхнула, когда взгляд ее упал на шелковое кимоно на плечах Золы.

– Немедленно это снимите!

Отступив назад, Зола принялась развязывать узел, который Пиона затащила у нее на талии.

– Пиона, о чем ты думала? Это дорогие наряды, а если бы она порвала... А если подкладка... – Она схватила ворот кимоно и стащила его с Золы, как только той наконец удалось развязать пояс.

– Но ты же разрешала Перл и мне...

– Теперь все изменилось, и вы должны оставить мои вещи в покое. Обе!

Нахмурившись, Пиона тоже начала снимать кимоно. Зола прикусила щеку, чувствуя себя странно уязвимой без тяжелого шелка, обернутого вокруг. Живот крутило от чувства вины, хотя она не понимала, в чем виновата.

– Зола!

Она отважилась поднять взгляд на Адри.

– Я пришла, чтобы сказать тебе: если ты хочешь быть частью этого дома, то должна исполнять определенные обязанности. Ты уже достаточно взрослая, чтобы помогать Перл по дому.

Зола кивнула. Ей и самой уже хотелось хоть чем-нибудь занять то время, которое было свободно от игр с Пионией.

– Конечно, я буду рада помочь.

Губы Адри сжались в тонкую линию.

– Пожалуй, не стану поручать тебе вытирать пыль, пока не буду уверена, что ты двигаешься достаточно осторожно. Твоя рука водонепроницаема?

Зола вытянула бионическую руку, распрямила пальцы.

– Я... Думаю, да. Но, наверное, она все-таки может заржаветь... Когда-нибудь потом.

– Прекрасно, значит, никакого мытья посуды и влажной уборки. Ну, а готовить ты умеешь?

Зола напрягла память, пытаясь понять, сможет ли та предоставлять ей рецепты так же просто, как и всякую бесполезную информацию.

– Не помню, чтобы раньше я готовила. Но я уверена...

Пиона всплеснула руками.

– А почему бы нам не починить Ико? И тогда она будет делать всю работу по дому, как ей и полагается!

Адри переводила взгляд с Золы на дочь и обратно, и взгляд ее пылал.

– Ну, – сказала она наконец, забирая оба кимоно и перебрасывая их через руку. – Думаю, мы сможем найти тебе какое-нибудь применение. А пока почему бы тебе не оставить мою дочь в покое, чтобы она смогла закончить свои домашние задания?

– Что? – воскликнула Пиона. – Но мы еще даже не попали на бал!

Зола не стала ждать начала неизбежного спора.

– Да, мачеха, – пробормотала она, опустив голову, и проскользнула мимо Адри к себе в комнату.

Внутри у нее все бушевало, но она не могла понять, какое именно чувство терзает ее больше всего. Ее сжигала ярость: она не была виновата в том, что ее новая нога уродлива и тяжела! И откуда ей было знать, что Адри не хочет, чтобы они играли с ее вещами. А еще она чувствовала какое-то оцепенение, потому что действительно могла оказаться совершенно бесполезной.

Ей было одиннадцать лет, и она ничего не знала. В ее сознании всплывали лишь фрагменты данных, которых она почти не понимала, и ей с трудом удавалось не выглядеть полной идиоткой. Если раньше у нее и были какие-то навыки, то она понятия не имела какие. Она все утратила.

Вздыхнув, она закрыла дверь в спальню и привалилась к ней спиной. Комната не сильно изменилась за те две недели, что она считала ее домом. Старая одежда разместилась в ящиках шкафа, пара ботинок валяется в углу, одеяла сбились в ком в ногах ее кровати. Ее взгляд остановился на коробке с частями андроида, которая так и стояла за дверью. Неисправный датчик, длинные тонкие руки.

На спине туловища она увидела штрихкод, который не заметила раньше. Она и теперь не заметила бы его, если бы отвлекшийся мозг, обнаружив цифры, не загрузил в ее сознание информацию о модели андроида.

Список запчастей. Ориентировочная стоимость. Руководство по эксплуатации и ремонту...

Что-то знакомое шевельнулось в ней, как будто она уже знала эту модель. Знала, как соединяются отдельные части, как программы и механика функционируют вместе, как единое целое. И нет, это было не узнавание, а... подключение. Как будто она знала андроида изнутри.

Как будто он был ее продолжением.

Зола шагнула от двери, чувствуя покалывание в теле.

Может быть в конце концов у нее был один полезный навык.

Ей понадобилось три дня. За это время она выходила из комнаты, только чтобы пообедать со своей новой семьей, и один раз – поиграть с Пионой в снежки, пока Адри и Перл были на рынке. Когда игра закончилась, ее металлические конечности заиндевели от холода, но чашка зеленого чая в доме и смех быстро согрели ее.

Адри больше не просила Золу выполнять работу по дому, и Зола решила, что мачеха поставила на ней крест.

И все же она была полна надежд, которые крепили по мере того, как беспорядочные части андроида соединялись во что-то узнаваемое. Полное пластиковое тело на широких ногах, тонкие ручки, голова, лицо с большим экраном. С ним пришлось возиться дольше всего, и дважды пришлось переделывать проводку, снова и снова сверяясь со схемой, которая подгружалась в ее оптобионику и висела у нее перед глазами. И наконец убедилась, что все сделано правильно.

Вот бы андроид заработал. Вот бы она могла показать Адри и даже Гарану, что она – не бесполезный член семьи. Что она благодарна за то, что они взяли ее к себе, когда никто другой не сделал этого. Что она хочет быть *своей*.

Она сидела на постели, скрестив ноги, окно у нее за спиной было открыто, и оттуда доносилось дуновение прохладного, но приятного ветерка. Работа была закончена. Маленький чип личности с щелчком встал на место, и Зола задержала дыхание, ожидая, что андроид развернется и заговорит с ней, но потом вспомнила, что сначала его нужно зарядить. Зола тихонько вздохнула и упала на матрас. Ее нервы были на пределе.

В дверь тихо постучали.

– Войдите, – откликнулась она, но даже не пошевелилась, когда дверь открылась.

– Я только узнать, не хочешь ли ты пойти посмотреть... – Пиона замолчала. Зола подняла голову и увидела, как девочка, раскрыв рот, таращится на андроида. – Ико?

Усмехнувшись, Зола приподнялась на локтях.

– Ее еще нужно зарядить, но, думаю, она работает.

Все так же, с открытым ртом, Пиона вошла в комнату. Ей было всего девять лет, но она уже была на голову выше андроида.

– Как... как?! Как ты ее починила?

– Пришлось позаимствовать кое-что у твоего отца. – Зола махнула рукой на грудку отверток и ключей в углу. Она не стала упоминать, что его не было в мастерской, когда она там шарила. Это было очень похоже на воровство, и эта мысль ее немного пугала, но все-таки это было ненастоящее воровство. Она не собиралась оставлять себе эти инструменты и была уверена, что Гаран обрадуется, когда увидит, что она починила андроида.

– Это не... – Пиона покачала головой и наконец посмотрела на Зола. – Ты сама ее починила?

Зола пожала плечами, не уверенная, должна ли она гордиться или чувствовать неловкость из-за того, с каким потрясением Пиона смотрела на нее.

– Это было несложно, – сказала она. – У меня был... У меня были инструкции. Я могу загружать информацию. В собственную голову. И я поняла, как сделать так, чтобы схема андроида все время была у меня перед глазами...

Она затихла, вдруг осознав, что этот ее самый полезный навык – еще одна *новая особенность* ее тела. Еще один побочный эффект того, что она теперь андроид.

Но глаза Пионы с каждой минутой горели все ярче.

– Ты шутишь, – сказала она, подняв одну из рук Ико и покачивая ею из стороны в сторону. Зола позаботилась о том, чтобы хорошенько смазать ее, чтобы суставы не заклинило. – А что еще ты умеешь делать?

– Ну. – Зола пожала плечами и задумалась. – Я могу... делать звуки громче. Ну, то есть я могу так отрегулировать свой слух, что мне они кажутся более громкими. Или тихими. Наверное, я даже могу отключить свой слух, если захочу.

Пиона засмеялась.

– Отлично! Тогда ты не будешь слышать маму, когда она кричит! Ой, я так тебе завидую! – Сияя, она потащила Ико к дверям. – Идем, зарядная станция там, в коридоре.

Зола спрыгнула с постели и пошла за ней к станции в конце коридора. Пиона подключила Ико, и вокруг штепселя замерцал слабый голубой свет.

Пиона подняла на Зола полный надежды взгляд, и тут дверь распахнулась, и в прихожую, спотыкаясь, вошел Гаран. С волос его текла вода.

Он был без пальто.

И замер, когда увидел стоящих в коридоре девочек.

– Пиона... – Он задыхался. – Где твоя мать?

Та бросила взгляд через плечо.

– На кухне...

– Позови ее. Скорее!

Пиона выглядела испуганной, но поспешила на кухню.

Сцепив пальцы, Зола подошла ближе к андроиду. После их долгой совместной поездки она впервые оказалась наедине с Гараном и ждала, что он скажет ей что-нибудь. Спросит, как у нее дела, не нужно ли ей чего... Он часто спрашивал ее об этом, когда они путешествовали. Но сейчас он, кажется, даже не заметил, что она стоит тут.

– Я починила вашего андроида, – сказала она наконец срывающимся голосом. И как будто в доказательство схватила безвольную руку андроида, но та просто упала обратно.

Гаран посмотрел на нее безумным взглядом. На мгновение ей даже показалось, что он сейчас спросит, кто она и что делает в его доме. Он открыл рот, но довольно долго молчал и наконец произнес:

– О, дитя...

Зола нахмурилась, услышав в его голосе... жалость. Это было не то, чего она ожидала. Он не был впечатлен, он не был благодарен. Подумав, что он, должно быть, не расслышал, она повторила сама для себя: «Да, я починила андроида». Тут из-за угла вышла Адри в домашнем платье. В руках у нее было кухонное полотенце, обе дочери следовали за ней по пятам.

– Гаран?

Он отшатнулся, ударился плечом о стену, и все замерли.

– Не... – он запнулся, улыбнулся извиняющейся улыбкой, когда капля воды упала ему на нос. – Я вызвал медицинских дроидов.

– Зачем? – На лице Адри застыло недоумение.

Зола вжалась в стену так сильно, как только могла, оказавшись между двумя людьми, которые ее даже не замечали.

Гаран сложил руки на груди, задрожал.

– Я заболел, – прошептал он. Глаза его наполнились слезами.

Зола бросила взгляд на Пиону, гадая, что это значит.

– Мне так жаль, – сказал Гаран, кашляя. Он повернулся назад к двери. – Мне не стоило сюда приходить. Но я должен был сказать... Я должен был... – Он прикрыл рот рукой, и все его тело содрогнулось от кашля или от рыданий. – Я так люблю вас всех. Мне так жаль, так жаль...

– Гаран, – Адри сделала шаг вперед, но ее муж уже вышел из дома. Хлопнула входная дверь. Перл и Пиона закричали и бросились вперед, но Адри схватила их за руки.

– Гаран! Нет!.. Девочки, вы останетесь здесь. Обе. – Ее голос дрожал, когда она оттащила их назад, а потом побежала за Гараном. Ее развевающееся платье задело стоящую у стены Зола.

Зола медленно двинулась вперед и увидела, как распахнулась входная дверь. Ее сердце стучало о ребра, как птица в клетке.

– Гаран! – крикнула Адри со слезами в голосе. – Ты не можешь уйти!..

Золу оттолкнули к стене – мимо нее пробежала Перл, она звала отца, а за ней следовала всхлипывающая Пиона.

На Зола никто не смотрел. Зола вдруг заметила, что все еще сжимает тонкую руку андроида. Она слышала всхлипывания, мольбы, крики «Нет!» и «Папочка!». Слова отражались от снега и летели обратно в дом.

Отпустив андроида, Зола двинулась вперед. Хромая, дошла до двери, за которой раскинулся ослепительно-белый мир, и остановилась, глядя на Адри, Перл и Пиону, упавших на колени на подъездной дорожке. Их одежда была в грязи.

Гаран стоял на обочине, все так же закрывая рот рукой. Его глаза покраснели от слез. Он выглядел маленьким и слабым, и, казалось, любой порыв ветра может унести его, утащить в снежные вихри.

Зола слышала сирену.

– Что мне делать? – кричала Адри. Ее руки покрылись гусиной кожей, она прижимала к себе детей. – Что я буду делать?

Хлопнула чья-то дверь, и Зола подняла взгляд. Старик, живущий через дорогу, вышел на порог своего дома. В дверях и окнах появлялись соседи, их глаза горели любопытством.

Адри зарыдала громче, и Зола снова повернулась к семье – своей новой семье – и поняла, что Гаран смотрит на нее. Она встретила с ним глазами, ее горло свело от холода.

Сирены стали громче, и Гаран бросил взгляд на сжавшуюся в комок жену, на испуганных дочерей.

– Девочки мои, – сказал он, пытаясь улыбнуться.

Белый хувер с мигающими огнями повернул из-за угла, воем предупреждая о своем появлении. Зола нырнула обратно в дом, когда хувер приземлился в снег позади Гарана. Два андроида выкатились из боковой двери, везя за собой каталку; их желтые сенсоры мигали.

– В 17:04 поступило сообщение, что по этому адресу находится жертва летумозиса, – произнес один из них механическим голосом.

– Это я, – прокашлял Гаран. Крик Адри заглушил его слова.

– Нет, Гаран! Ты не можешь. Не можешь!

Гаран попробовал улыбнуться, протянул к ней руку. Он закатал рукав, и даже Зола, стоя на пороге, увидела на его запястье два темных пятна.

– Я заболел. Адри, любовь моя, ты должна позаботиться о девочке.

Адри отшатнулась, как будто он ударил ее.

– О девочке?!

– Перл, Пиона, – продолжал Гаран, как будто не слыша ее, – будьте добры с матерью. И никогда не забывайте, что я очень, очень люблю вас. – Он с трудом улыбнулся и залез на парящую рядом каталку.

– Ложитесь на спину, – сказал один из андроидов. – Вас зарегистрируют; ваша семья будет получать информацию о любых изменениях вашего состояния.

– Нет, Гаран! – Адри с трудом поднималась на ноги. Ее тонкие шлепанцы скользили по льду, она едва не падала, пытаясь подбежать к мужу. – Не оставляй меня одну! Только не одну не с *этим!*..

Зола задрожала и обхватила себя руками.

– Отойдите от больного, – произнес один из андроидов, становясь между Адри и хувером, в который переместили Гарана.

– Гаран, нет! Нет!

Перл и Пиона стояли рядом с матерью. Обе звали отца, но слишком боялись андроидов, чтобы подойти ближе. Андроиды вкатились обратно в хувер. Двери закрылись. Завывания сирены и мелькание огней наполнили тихий пригород, постепенно исчезая в отдалении. Адри и ее дочери сидели в снегу, рыдая и цепляясь друг за друга, и соседи смотрели на них. Зола тоже смотрела, спрашивая себя, почему ее глаза остаются такими сухими – обжигающе сухими. Ее снова сковал страх.

– Что происходит?

Зола посмотрела вниз. Андроид проснулся, отсоединился от зарядной станции и теперь стоял рядом с ней. Его сенсоры слабо светились. Она сделала это. Она починила андроида. Доказала, что чего-то стоит. Но ее успех был заглушен рыданиями и воем сирен. Смотреть на происходившее было невыносимо.

– Они забрали Гарана, – ответила она. – Сказали, что он «жертва летумозиса».

Андроид издал серию щелчков.

– О, боже... только не Гаран!

Зола едва ее слышала. Ее мозг уже некоторое время загружал информацию, но она была слишком захвачена происходящим, чтобы обратить на это внимание. Она стала вглядываться в обрывки информации, мелькавшие перед ее глазами.

«С тех пор как стало известно о первых жертвах летумозиса или голубой чумы – в северной Африке, в мае 114 года III эры, – болезнь унесла тысячи жизней...»

Зола начала читать быстрее и наконец добралась до слов, которых и боялась, и заранее знала, что увидит их: «Никто из заболевших не выжил».

Ико вновь заговорила, и Зола тряхнула головой, чтобы прогнать тревожившие ее мысли.

– ...видеть не могу, как они плачут, особенно Пиона. Ничто не делает андроида таким беспомощным, как вид плачущего человека.

Внезапно почувствовав, что ей трудно дышать, Зола бросилась внутрь и привалилась к стене, не в силах больше слышать, как они рыдают.

– Тогда обо мне тебе беспокоиться не придется. Кажется, я теперь не могу плакать. А может быть, и никогда не могла.

– Правда? Как странно. Возможно, это программный сбой.

Зола уставилась в единственный сенсор Ико.

– Программный сбой?

– Конечно. У тебя же есть программа? – Ико подняла длинную тонкую руку, указывая на стальной протез Золы. – У меня тоже есть сбой: иногда я забываю, что я не человек. Не думаю, что это происходит со многими андроидами.

Зола уставилась на гладкое тело Ико, на гусеницы, на ее трехпалые руки и задумалась: каково это – существовать в таком теле и не знать, человек ты или робот.

Она хотела вытереть глаза, но они были сухими.

– Верно. Программный сбой. – Она попыталась улыбнуться, надеясь, что андроид не поймет, что это скорее гримаса, чем улыбка. – Вот в чем все дело.

Армия королевы

Они явились на исходе долгой ночи, когда Горнодобывающий сектор не видел солнца уже почти две недели. Зед отметил свой двенадцатый день рождения несколько месяцев назад, и прошло как раз достаточно времени, чтобы он перестал думать о блеске золотого шитья на черных плащах и начал надеяться, что его не выберут.

Однако он не удивился, когда его разбудил стук во входную дверь. Было очень рано, отец еще не ушел на завод в соседнем секторе, где он собирал двигатели шаттлов и тракторов. Зед смотрел в темный потолок и слушал, как родители шепчутся за стеной. Потом отец прошел мимо двери. Приглушенные голоса зазвучали в гостиной.

Зед зажал одеялом рот и закричал от страха и напряжения. Ему пришлось сделать так трижды. Он не хотел испугать брата, который спал с ним в одной комнате.

Он знал, что этого не избежать. Он был лучшим в классе. Сильнее, чем некоторые мужчины, с которыми отец работал на заводе. И все же он надеялся, что преподаватели не заметят его. Может быть, пропустят его...

Эти мысли всегда были мимолетными. С самого детства его растили в ожидании двенадцатого дня рождения и визита королевских магов. Он знал, что если его признают достойным, то призовут в новую армию, которую создавала королева. Служить короне – великая честь. Семья и сектор будут им гордиться.

– Ты должен одеться.

Он поднял голову и увидел сверкающие в темноте глаза брата. Все-таки он не спал.

– Скоро тебя позовут. Лучше, если им не придется ждать.

Не желая, чтобы брат подумал, будто он испугался, он вскочил на ноги.

В коридоре он столкнулся с матерью. Ее короткие волосы топорщились с одной стороны, она надела хлопковое платье, хотя ее нижняя юбка наэлектризовалась, и платье липло к левой ноге. Она перестала поправлять его, и, всего на одну сокрушительную секунду, он увидел отчаяние, которое она всегда прятала, когда они говорили о солдатской повинности. Потом все прошло, она облизнула пальцы и попыталась пригладить его неопрятные волосы. Он вздрогнул, но не увернулся и не стал возражать, пока не появился отец.

– Зеэв. – Его голос переполняли незнакомые эмоции. – Не бойся.

Отец взял его за руку и повел в переднюю часть дома, где ждали не один, а два мага. Оба были в традиционных одеждах королевского двора: в мундирах с высокими воротниками и просторными и длинными расшитыми рукавами. Женщина была в черном, это означало, что она – маг третьего уровня, а мужчина – в красном, как и полагается магу второго уровня. Зед знал, что на всей Луне наберется не больше дюжины магов второго уровня, и один из них находился сейчас в его доме.

Он не мог удержаться и представил себе, как выглядит его дом в глазах таких высокопоставленных лиц. Места в гостиной хватало лишь для потертого дивана и кресла-качалки, а на маленьком столике стояла ваза с пыльными искусственными цветами. Если бы они заглянули во вторую дверь, то увидели бы раковину, заваленную тарелками, над которыми жужжали мухи, потому что прошлой ночью мать слишком устала, чтобы навести порядок, а Рэн и Зед с другими детьми играли в вышибалы, поэтому им тоже было не до уборки.

Теперь он жалел об этом.

– Зеэв Кесли? – спросил маг второго уровня.

Зеэв кивнул, сжимая руку отца и призывая всю свою волю, чтобы не спрятаться у него за спиной.

– Рад сообщить, что мы рассмотрели ваши тесты на выявление способностей и выбрали вас для проведения физических модификаций и обучения, чтобы вы могли стать одним из

великих воинов армии Ее Величества. Вы приняты. Нет необходимости собирать вещи: все, что нужно, вам предоставят. Больше у вас не будет контактов с вашей биологической семьей, поэтому прощайтесь.

Его мать негромко вскрикнула. Зед не понимал, что его трясет, пока отец не повернулся и не схватил его за плечи.

– Не бойся, – снова повторил он. Легкая улыбка мелькнула на его лице и пропала. – Делай, что велют, чтобы мы могли гордиться тобой. Это великая честь.

Голос его был напряженным. Зед не мог ручаться, что отец верит в то, что говорит. Возможно, это было представление для магов. Грудь его сжимало.

– Но... Я не хочу идти.

– Зеэв. – Отец строго посмотрел на него.

Зед взглянул на мать. Ее платье все так же липло к нижней юбке, но она его больше не поправляла. Слезы еще не успели выкатиться из ее глаз. Он вдруг заметил морщинки, которых никогда не замечал раньше.

– Пожалуйста, – сказал он, обхватывая ее руками за талию. Он знал, какой он сильный. Если он будет держаться достаточно крепко, они не смогут заставить его отпустить ее. Он зажмурился, когда побежали первые горячие слезы. – Пожалуйста, не дайте им...

И когда из его горла вырвался первый всхлип, новая, темная мысль проскользнула в его разум: это маленький, жалкий дом в бедном горнодобывающем секторе. Это жалкие, ничтожные люди. Его родители слабы и глупы... Но он – он предназначен для величия! Он – один из немногих избранных и будет служить самой королеве. Это большая честь. Мысль о том, чтоб задержаться тут еще хоть на минуту, вызывала отвращение. Зед задохнулся и оттолкнул мать.

Жар заливал его шею, лицо пылало от стыда и обиды. Как он мог так думать?

Но эти мысли никуда не ушли и все еще оставались где-то в мозгу. Он никак не мог прогнать их, хотя и чувствовал вину. Он обернулся и посмотрел на магов. На губах женщины играла легкая усмешка. И хотя сначала она показалась ему красивой, это новое выражение ее лица заставило его вздрогнуть.

– Очень скоро у тебя будет новая семья, – сказала она голосом, завораживающим, словно детская колыбельная. – У нас есть средства заставить тебя смириться и пойти с нами по доброй воле, нам стоит их применить?

Зед поехал, осознав, что она видела все эти ужасные мысли. Не просто видела... она создала их. Она им манипулировала, и это было так естественно, так легко вплетено в его собственные эмоции. Когда они практиковали управление сознанием в парах или когда преподаватель подталкивал его к мыслям о повинении, это было похоже на новые идеи, внедряемые в мозг. Эту манипуляцию можно было различить, и часто, при достаточной концентрации, ей можно было бросить вызов.

А это был другой уровень манипуляции, противостоять которому было не так-то просто. Он теперь знал это. Его заставят пойти с ними, и он станет игрушкой Ее Величества, и у него будет не больше воли, чем у дрессированной собаки.

Он услышал, как открылась дверь в спальню. Рэн вышел, подталкиваемый любопытством.

Зед сжал челюсти и изо всех сил постарался задушить растущее отчаяние. Он будет храбрым, брат не увидит его страха. Он будет сильным ради него.

И как только решение было принято, страх действительно начал слабеть. Приободрившись при мысли, что это его выбор, а не тот, который маги сделали за него, он повернулся к матери и потянулся, чтобы поцеловать ее в щеку. Она обхватила его, прежде чем он успел отступить, и прижала к себе, целуя как безумная. Затем так же быстро отпустила. По лицу ее бежали слезы, и ей пришлось отвернуться, чтобы скрыть их.

Зед обнял и отца, так же быстро и так же крепко, чтобы он понял, сколько любви было в этом жесте.

После расправил плечи и шагнул к магам.

Женщина вновь усмехнулась:

– Добро пожаловать в королевскую армию.

Они сказали, что после анестезии наступит глубокий сон без сновидений, но они ошиблись. Ему снились иглы, вонзающиеся в кожу. Клещи, выдирающие зубы. Он видел горячий пепел и дым. Ему снилась белая тундра, холод, какого он никогда не чувствовал раньше, и голод, который нельзя было насытить мясом, сочащимся кровью в его зубах. А еще ему снился далекий вой. Жуткие крики, которые никак не смолкали.

Пробуждение было медленным, словно его вытаскивали из ямы, наполненной грязью. Когда он открыл глаза, крики начали стихать. Он был в той же комнате, на смотровом столе, где медсестра ввела иглу в его руку, но он сразу понял, что его изменили. Стены вокруг стали ярче и белее. В голове отдавался эхом звук каждого из хитроумных приборов. Запах химикатов бил в ноздри так, что хотелось зажать нос, но он был для этого слишком слаб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.